

Все до последнего страхи
Алекс Финли

Ток. Национальный бестселлер. США
САМАЯ ОЖИДАЕМАЯ КНИГА 2021 ГОДА ПО ВЕРСИИ GOODREADS, NEWSWEEK И CNN /
ВЫБОР РЕДАКЦИИ AMAZON!

Тела нашли во вторник. Родители, дочь-подросток и совсем маленький сын. Их смерть выглядит как трагическая случайность, но все же одна улика указывает на обратное...

После студенческой вечеринки Мэтта Пайна ждало ужасное известие: вся его семья погибла во время каникул в Мексике. У парня остался только старший брат Денни, который уже много лет сидит в тюрьме за жестокое убийство своей девушки. В свое время его история наделала много шума, после выхода документального фильма на Netflix. Вся страна сплотилась тогда в поддержку невинности Денни, но лишь Мэтт знает ужасный секрет о ночи, навсегда изменившей их семью.

Теперь, получая подсказки из прошлого, он должен разгадать тайну, приведшую его родных в мексиканский ад. На кону не только правда, но и жизнь. Кому-то было явно мало смерти четверых Пайнов: на братьев начинается настоящая охота...

«Вешеная энергетика... Финли закручивает головоломку и провоцирует действие». – New York Times

«Этот дебют захватывает с первой леденящей душу строки и до самой последней страницы». – Newsweek

«Приготовьтесь к захватывающим поворотам сюжета. Выдающийся роман, написанный с хирургической точностью». – Карин Слотер, автор бестселлера New York Times «Хорошая дочь»

«Взрывоопасно! Острый как нож триллер, который раскрывает истинное значение семьи, любви, верности и лжи». – Лиза Гарднер, автор бестселлеров New York Times

«Блестяще. Финли выстраивает историю столь же завораживающую, сколь и душераздирающую. Захватывает с самой первой страницы и заставляет гадать до самого последнего взрывного поворота. Напряженный, закрученный и непреодолимый. Не промахнитесь!» – Лив Константин, авторы бестселлера New York Times «Последняя миссис Пэрриш»

«Потрясающий роман Алекса Финли о семье, найденной мертвой спустя годы после того, как документальный фильм от Netflix сделал их печально известными. Это мощный, потрясающий триллер. Финли – отличный рассказчик, плавно чередующий точки зрения героев и временные рамки, чтобы добавить эмоциональной глубины и интриги в этот стремительно развивающийся, мастерски выстроенный и чрезвычайно захватывающий сюжет. Советую вам

лучший триллер, который я прочитала в этом году». – Дженнифер Хиллер,
автор триллеров

Алекс Финли

Все до последнего страхи

Alex Finlay

EVERY LAST FEAR

Copyright © 2021 by Alex Finlay. This edition is published by arrangement
with Aaron M. Priest Literary Agency and The Van Lear Agency LLC

© Липка В.М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Тела нашли во вторник. Через два дня после того, как семья пропустила рейс и не вернулась домой. И через шесть, как прекратились все их переписки и активность в социальных сетях. Последним было размещено селфи семейства из Мексики: папа с мамой смешно выпятили губы уточкой, розовощекая девушка обиженно дулась, а мальчонка сверкал пластмассовыми очками и беззубой улыбкой.

От моря арендованный ими небольшой дом стоял довольно далеко – в самом конце неасфальтированной улочки, врезавшейся в придорожные джунгли Тулума[1 – Тулум – город и административный центр одноименного муниципалитета в мексиканском штате Кинтана-Роо на побережье Карибского моря.]. Когда управляющий открыл дверь, местному копу тут же ударила в нос вонь. Горничная, в обязанности которой входило убирать комнаты после отъезда гостей, с заплаканным лицом сидела на цементном крыльце, перебирая пальцами четки.

В доме стояла ужасная духота.

И повсюду слышалось жужжание мух.

Несмотря на дух разложения, которым пропитался воздух, крови нигде не было. Как и других явных признаков насильственной смерти. Вот тогда-то полицейский и понял, что оттуда надо убираться.

Час спустя по дому устало расхаживали криминалисты в костюмах химической защиты, не сводя глаз с ручных датчиков воздуха. Первой нашли мать – окоченевшую на диване с раскрытой книжкой на груди. В спальне на застеленной кровати лежала девушка, по-прежнему сжимая в руке телефон. Мальчик безмятежно спал под заботливо подоткнутым одеялом в обнимку с плюшевым мишкой.

Эксперты проверили плиту и водонагреватель.

Затем вышли во внутренний дворик, чтобы осмотреть трубы, по которым в дом поступал газ. И тогда они обнаружили кровавый след, а потом и отца – по крайней мере, то, что от него осталось.

Глава 1

МЭТТ ПАЙН

– Суровая ночка, да? У тебя такой видок, будто ты вместе с нами спал под открытым небом.

Мэтт вгляделся в шахматную доску, не обращая внимания на чернокожего мужчину, не раз битого жизнью, а теперь сидевшего напротив него за потрепанным столом в Вашингтон-Сквер-парке.

– Тебе не холодно? Где твоя куртка?

– Уймись, Регги, – ответил Мэтт, отмахиваясь от вопросов, – дай мне сосредоточиться.

И опять задумался над ходом на доске. Сквозь парк пронесся утренний бодрящий ветерок, и парень потер озябшие руки. Для апреля было чересчур холодно.

– Да хоть весь день думай, – хрипло засмеялся Регги, – мне вообще по барабану.

За два года Мэтт не выиграл у бродяги Бобби Фишера, обитавшего в Вест-Виллидже, ни единой партии. Он никак не мог понять, каким образом этот умнейший человек оказался на улице, но вопросов никогда не задавал. Парень пошел слоном, взяв пешку на g7.

Регги покачал головой с таким видом, будто тот его разочаровал:

– Я так понимаю, ты только что с тусовки?

– Ага, в Годдарде, – Мэтт кивнул головой на Годдард-Холл – башню из выбеленного ветрами и дождями кирпича, возвышавшуюся над парком.

– В Годдарде? Значит, с первокурсниками зажигал, – ухмыльнулся бродяга.

Его познания о Нью-Йоркском университете были гораздо глубже, чем у большинства студентов. Вполне возможно, в свое время он там и в самом деле учился.

Это было довольно странно, потому что окружающие имели обыкновение изливать Мэтту душу, рассказывая истории своей жизни, посвящая в свои тайны и проблемы. Он полагал, к этому располагало его лицо. А может, и тот факт, что он предпочитал не столько говорить, сколько слушать и наблюдать. Однако Регги, несмотря на свою непрекращающуюся болтовню, даже словом не обмолвился, как жил до того, как оказался в этом парке. Раньше Мэтт пытался уловить в историях мужчины какие-нибудь подсказки на его прошлое: тот постоянно держал при себе армейскую сумку цвета хаки и раньше вполне мог служить в армии; руки и ногти у него всегда были безупречно чистыми, что наводило на мысль о медицине. Уличный жаргон, на котором тот говорил, казался естественным, но иногда в нем проскальзывала фальшь. Он мог быть преступником в бегах, а мог и обыкновенным парнем, переживавшим трудные времена, любившим играть в шахматы и не испытывавшим ни малейшего желания оправдывать свой образ жизни перед каким-то докучливым студентом.

– Стало быть, дружище, ты всю ночь отрывался с университетскими девчонками, – снова усмехнулся Регги, – хотел бы я знать, что на это скажет твоя рыженькая милашка.

Хороший вопрос. Только эта рыженькая милашка вчера порвала с ним. Именно из-за этого Мэтт так на-дрался в «Purple Haze», а позже продолжил в Годдарде и порезвился на втором этаже с Диной (или Даной?). В итоге в семь утра он оказался в парке с взлохмаченной шевелюрой, лишенный возможности вернуться в кампус – электронный пропуск, ключ от комнаты и телефон остались в кармане потерявшейся куртки.

Регги пошел ладьей на g8 и улыбнулся желтозубой, самодовольной улыбкой:

– Знаешь, меня начинает удивлять, как тебя вообще зачислили в это замечательное заведение.

С этими словами он бросил взгляд на здание приемного отделения, над которым развивался пурпурный флаг Нью-Йоркского университета.

– Ну вот, ты уже говоришь как мой отец, – Мэтт передвинул свою ладью на e1, поднял взгляд на Регги и добавил: – Шах.

Тот пошел королем на d8, но было уже поздно.

Ферзь на g3. Мат был неизбежен.

– Твою мать... – протянул Регги и окрикнул парня, игравшего за одним из соседних столов: – Эй, Элайджа, ты только посмотри – этот Аффлек меня обыграл!

Регги всегда называл Мэтта «Беном Аффлеком», подразумевая под этим «белого парня».

– Бойся спокойных, – тоном проповедника добавил Регги, цитируя неизвестный Мэтту источник, – пока другие говорят, они наблюдают. А когда остальные наконец дают себе отдых, наносят удар.

Бродяга бросил на стол смятую купюру.

– Я не возьму с тебя денег, – Мэтт встал, хрустнув позвоночником.

– Еще чего, – Регги подтолкнул купюру к парню, – ты изучаешь кинематограф, и они тебе точно пригодятся. – Из его горла вырвался очередной смешок.

Мэтт без всякой охоты взял банкноту и посмотрел на проплывавшие по небу темные тучи. Ему нравился запах надвигавшегося дождя.

– Тогда давай я хотя бы принесу тебе завтрак из столовой. У меня на карте осталась пара неиспользованных.

– Не-а, в прошлый раз там этому не очень-то обрадовались.

Регги был прав. За время обучения на привилегированном факультете Нью-Йоркского университета Мэтт понял, что либерализм владельцев роскошных лимузинов имеет свои пределы. Большинство сокурсников считали его чем-то вроде диковинки – выходцем из Среднего Запада, далеким от всякой политики.

– Да пошли они все... – Парень махнул рукой, приглашая Регги пойти с ним, но услышал за спиной знакомый голос:

– Вот ты где. Мы тебя уже обыскались.

Обернувшись, Мэтт увидел куратора общежития. С какой это стати тому вздумалось его искать? Обычно Филлип появлялся, только когда кто-то слишком громко включал музыку или в коридорах пахло травкой.

– В кампусе федеральные агенты, – заявил Филлип с явной озабоченностью в голосе, – хотят с тобой поговорить.

– Агенты?

– Да, в шесть часов к нам заявились из ФБР. Сказали, ты не отвечаешь на звонки.

– Что им от меня надо?

Скорее всего, дело в его старшем брате. После того долбаного документального фильма все так или иначе было связано с Дэнни.

– Не знаю. Но если за пределами кампуса ты занимаешься чем-то незаконным, я не...

– Расслабься, приятель. Ничем я не...

Мэтт немного помолчал, глубоко вздохнул и добавил:

– Спасибо, что сообщил. Пойду узнаю, чего они хотят.

Филлип недовольно вздохнул и удалился.

– Встрял в неприятности? – уточнил Регги.

– Думаю, лучше сразу пойти и все выяснить. Отложим завтрак до другого раза?

Мужчина кивнул:

– Знаешь, Аффлек, будь там осторожнее. Когда в шесть утра к тебе стучат федералы, ничего хорошего не жди.

Полчаса спустя Мэтт сидел на своей небольшой кровати в кампусе. Комната вокруг него вращалась и никак не могла остановиться.

Главный агент ФБР – ее имени он не запомнил – постоянно говорила, но ее слова сливались в непонятную мешанину. Когда Мэтт ничего не ответил, она присела перед ним на корточки с явно озабоченным лицом.

Ее напарник, худощавый тип в темном костюме, болтался где-то позади нее, переминаясь с ноги на ногу.

– Я поговорила с деканом, – сказала она, – они вызвали психолога. Насчет учебы тоже можете не волноваться.

Мэтт попытался встать, но колени подогнулись, а к голове прихлынула кровь.

– Все они? – спросил парень.

Хотя женщина повторила свой рассказ уже дважды, он все равно не мог поверить.

– Я очень сожалею.

Мама.

Папа.

Мэгги.

Томми.

Мэтт опять встал, что-то пробормотал и проковылял в туалет. Упав на колени, он изверг в унитаз содержимое желудка, да так и застыл в обнимку с грязным фаянсом, напрочь потеряв счет времени.

В какой-то момент в дверь тихо постучали.

– Через минуту выйду, – выдавил он из себя, ухватился за раковину и кое-как поднялся на ноги.

Включив кран, Мэтт брызнул в лицо водой и посмотрел на свое отражение в зеркале. Выглядел он ничуть не лучше, чем чувствовал себя.

Вернувшись в комнату, парень увидел, что женщина-агент осталась одна, а ее напарник куда-то исчез.

– Как такое вообще могло случиться? – он не узнал собственный голос, далекий и хриплый.

– Они считают, это нелепый несчастный случай – утечка газа. Именно это мы и пытаемся окончательно прояснить. Задействовано не только ФБР, но и Госдеп, в контакте с мексиканскими властями. Я понимаю, время для вас сейчас совсем неподходящее, но вынуждена задать несколько вопросов.

Мэтт опять сел и кивнул, приглашая ее продолжать.

– Насколько мы понимаем, они поехали туда в отпуск.

– Ага, на весенние каникулы моих сестренки и братишки... – Эти слова застряли у него в горле. – Решение приняли в самую последнюю минуту. У меня на тот момент каникул не было, и я не смог...

Конец фразы повис в воздухе.

– Когда вы в последний раз выходили с ними на связь?

Мэтт задумался:

– Мама прислала сообщение из аэропорта в день их вылета. А пару дней назад Мэгги.

В груди больно кольнуло чувство вины. Сообщение от сестры он даже не прочел, не говоря уже о том, чтобы на него ответить.

– А отец?

Парень покачал головой, чувствуя, как у него цепенеет все тело. После ссоры из-за рождественских каникул они больше не разговаривали. У него защемило сердце. Последним, что сказал ему Мэтт, было...

– Чтобы восстановить хронологию и во всем разобраться, нам очень важно увидеть эти сообщения. Вы не против?

– Да, конечно. Только телефон в куртке, которую я ночью где-то оставил.

– А где именно, вы помните?

Мэтт видел, что она, несмотря на все свое сочувствие, начинает терять терпение.

– Похоже, в баре.

Он захватил свою скудную кучку одежды, выскользнув из комнаты девушки в кампусе, так что куртка, вероятно, осталась в баре.

– Я могу вас туда отвезти, – кивнула агент.

– Не думаю, что они открыты в такую рань.

– Как называется это заведение?

– «Бар 13», на Тринадцатой Ист-стрит.

Женщина вытащила телефон, отошла в другой конец комнаты, посмотрела на окно с потеками дождя и отдала невидимому собеседнику распоряжения.

– А мне плевать. Отправь прямо сейчас кого-нибудь туда, – произнесла она в трубку, возвращаясь обратно к Мэтту. – Можете поехать со мной в этот бар? – спросила она, сделав пару шагов к двери.

Парень кивнул, будто пребывая в трансе.

– Не хотите накинуть куртку или взять зонт? На улице дождь.

Он лишь покачал головой и направился вслед за ней к выходу.

В коридоре собралась небольшая толпа студентов, всю тарачившихся на него. По какой причине – то ли до них уже дошли слухи о его семье, то ли они просто решили, что его за что-то арестовали – Мэтт сказать не мог.

Женщина, чье имя он все никак не мог вспомнить, проложила им путь к лифту. Когда они туда вошли, Мэтт спросил:

– Журналисты уже в курсе?

Она бросила на него понимающий взгляд.

– В прессу сведения просочились, но вашу фамилию пока не упоминали. Решили подождать, пока сообщат близким.

– Вам ведь известно, что будет, когда они обо всем узнают, правда? – Мэтт с отвращением покачал головой.

Чертова документалка! И зачем ее только показали по «Нетфликсу»?! [2 – «Нетфликс» (Netflix) – стриминговый сервис для просмотра фильмов и сериалов. С 7 марта 2022 года приостановил работу на территории России.]

Агент кивнула.

Когда двери лифта разъехались в стороны, их встретила целая куча репортеров и ослепительный блеск фотовспышек.

Глава 2

Поездка в бар прошла будто в тумане. Мэтт устроился на заднем сиденье машины, катившей в плотном потоке по Гринвич-Виллиджу, не в состоянии оправиться от потрясения после случившегося и папарацци, забросавших его вопросами: Почему вы не поехали в Мексику с семьей? Как вы после всего себя чувствуете? Вы считаете, это действительно был несчастный случай? А ваш брат уже в курсе?

Агент просто протаранила толпу, схватив Мэтта за руку и силой увлекая за собой. А когда какой-то парень с камерой выступил вперед, преградив им путь к машине, спокойно махнула перед ним значком и смирив взглядом с головы до ног, после чего тот съехал и тут же исчез. Нью-йоркские папарацци были не из робкого десятка, так что парень, должно быть, почувствовал – с ней шутки плохи.

Мэтт уставился в окно на размазанные отражения красных габаритных фонарей на мокром асфальте. Его мысли опять перепрыгнули на журналюг. А ваш брат уже в курсе?

У Дэнни, конечно же, не было ни телевизора, ни интернета, ни телефона. Однако отец Мэтта всегда говорил: новости, в особенности плохие, преодолевают тюремные стены со скоростью света. А если учесть, что та документалка возвела Дэнни в ранг знаменитостей, он наверняка уже обо всем узнал.

Машина подъехала к Purple Haze. В дневном свете заведение приняло еще более зловещий вид. Подъемную железную дверь украшали граффити. На тротуаре громоздились мусорные баки, в которых хлюпала грязная дождевая вода. Под навесом переминался с ноги на ногу человек в спортивном костюме. Потом взгляделся в машину, будто ждал их, и подошел ближе.

– Вы из ФБР? – он наклонился, чтобы заглянуть в салон.

Мужчина был коренастым и изрядно облысевшим; несмотря на холод, у него на лбу поблескивали капельки пота.

– Специальный агент Келлер, – деловито представилась женщина.

Наконец-то Мэтт узнал ее фамилию.

– Мне позвонили, сообщив о некоей проблеме в клубе, – сказал владелец заведения с бруклинским акцентом, – но поскольку у нас все чисто, я не...

– Мне плевать, что у вас чисто, а что нет, – перебила его Келлер, напрочь позабыв о профессиональном такте или любезностях.

Потом указала на Мэтта на заднем сиденье и добавила:

– Ночью он забыл здесь куртку с телефоном. Нам надо попасть внутрь.

Хозяин клуба застыл в нерешительности и вытянул губы в трубочку:

- Ну, э-э-э... А ордер у вас есть?

Келлер окинула его сердитым взглядом:

- Ты правда хочешь, чтобы я получила ордер? Мне ничего не стоит взять с собой целую команду агентов и заявиться сюда, скажем... в одиннадцать вечера. Один бог знает, что нам здесь удастся найти.

Хозяин поднял руки, признавая поражение:

- Послушайте, будь она в клубе, я бы без проблем вам ее отдал. Проблема в моем вышибале: после закрытия я разрешаю ему забирать все, что оставят клиенты.

- Отлично, - агент с шумом выдохнула, - мне нужны его имя и адрес.

- Не уверен, что я...

- Имя и адрес, или у тебя точно будут проблемы.

- Ладно, ладно, я сейчас, минуту.

Агент Келлер кивнула, и владелец заведения скрылся внутри. Когда он вернулся, в руке у него был самоклеящийся стикер с нацарапанной на нем информацией, который агент тут же выхватила.

Двадцать минут спустя они подъехали к башне из стекла в Трайбеке[3 - Трайбека - модный район в Нижнем Манхэттене, в Нью-Йорке. Известен своими историческими зданиями.]. Свернув на подземную парковку, Келлер остановилась у поста охраны. После проверки документов она въехала внутрь.

- Тут живет вышибала? - спросил Мэтт, когда они сделали круг по парковке.

Элитная башня в элитном районе? Качки из клубов в таких точно не живут.

- Нет, к нему я послала пару агентов.

- А здесь что?

Келлер припарковала автомобиль рядом с вереницей одинаковых темных седанов.

- Кто-то должен сообщить вашему брату.

- Что? - переспросил Мэтт, пытаясь переварить услышанное. - Нет.

Повисла долгая пауза. Келлер посмотрела ему прямо в глаза.

- Я знаю, это трудно. Не буду делать вид, будто понимаю, через что вам предстоит пройти. Но мне удалось переговорить с вашей тетей. Она сказала, что ваши родители хотели бы, чтобы он узнал об этом от вас.

На руке парня волосы встали дыбом.

- Он здесь? - удивился Мэтт, понимая всю бессмысленность своего вопроса.
- Не совсем. Нам надо подняться на крышу.

Мэтт впервые в жизни летел на вертолете, поэтому не мог сказать, от чего у него все переворачивалось внутри – от полета или от сюрреалистичности произошедшего. Вода в Гудзоне была беспокойной, а небо затянули серые тучи. Агент Келлер сидела рядом с ним с идеальной осанкой, и ее лицо не выражало ни единой эмоции.

Болтливостью она явно не отличалась. Как и склонностью делать несколько дел одновременно: не пялилась в телефон и не читала газету. Ее задача сводилась к тому, чтобы доставить его в исправительное учреждение Фишкилл на севере штата, и именно ее она в данный момент и выполняла. Мэтт никогда не понимал, почему Дэнни, получивший срок за убийство подружки в Небраске, отбывал наказание в Нью-Йорке. За семь лет это была уже третья его тюрьма.

Вертолет влетел в зону турбулентности, и Мэтт подумал о Томми. Когда во время их семейных поездок самолет начинало хоть немного болтать, все хваталось за подлокотники кресел, а брат лишь радостно хихикал, не выказывая даже намека на страх. Ему бы этот полет точно понравился.

Парень представил, как Томми летел в Мехико, не подозревая, что это последний рейс в его жизни.

Вертолет приземлился на небольшом летном поле посреди сельской местности. Мэтт отстегнул ремни, снял с головы наушники и вслед за Келлер выбрался наружу. Пропеллер по-прежнему вращался, и парень пригнулся, инстинктивно повторив движение, которое тысячу раз видел в кино. Что до агента Келлер, то она шла совершенно ровно.

Женщина перекинулась парой фраз с человеком, поджидавшим их у черного внедорожника на краю летного поля. Это был не напарник из Нью-Йорка, но очень на него похожий. Темный костюм, солнечные очки и бесстрастное выражение лица. Ни дать ни взять Нео из «Матрицы». Когда Келлер с Мэттом забрались на заднее сиденье, автомобиль покати по проселочным дорогам, пока на горизонте не показалась бетонная крепость.

У парня вспотели ладони и гулко стучало в голове. До него постепенно стала доходить реальность происходящего.

Их действительно больше нет.

Вскоре ему предстояло лишиться старшего брата всего, что у него только оставалось в этом мире.

ЭВАН ПАЙН

До этого

– Эван, как же я рада, что вы здесь, – сказала доктор Сильверстайн и жестом пригласила его сесть на кожаный диван.

Мужчина обвел взглядом кабинет. Дипломы в рамках, стол, на котором царил идеальный порядок, старинные напольные часы, смотревшиеся неуместно в этом незатейливом и лишенном всякой привлекательности офисном здании.

– Прошу прощения, что на той неделе не позвонил, – извинился Эван, – если хотите, я заплачу за пропущенный...

– Не говорите ерунду. Я видела репортаж о вашем сыне в новостях. Мне очень жаль, Эван, что все так произошло.

Она без конца называла его по имени. Он понимал, что это лишь профессиональная уловка, но то и дело представлял, как доктор Сильверстайн, только намного моложе, строчит конспекты на занятиях по психологии. Постоянно называйте пациента по имени, давая понять, что вы его внимательно слушаете.

Нет, он слишком к ней строг. Она была хорошим терапевтом. К тому же консультировать человека, который посещает сеансы только потому, что ему выдвинула ультиматум жена, наверняка не так-то просто.

– И что теперь? – спросила она. – Я имею в виду Дэнни. С точки зрения закона.

Эван не хотел об этом говорить, но в ее кабинете уклониться от этой темы было нельзя.

– Адвокаты говорят, это тупик. Верховный суд отказался пересматривать дело, по сути поставив в нем точку. – Он пожал плечами.

Сильверстайн сочувственно на него посмотрела:

– А как Дэнни? Вам удалось с ним поговорить?

Эван вспомнил о звонке, когда он рассказал сыну о случившемся, и представил, как тот прижимается лицом к грязной телефонной трубке в Фишбилле, понимая, что ему придется провести там остаток жизни. А не там, так в другой дыре.

– Он принял это легче, чем я предполагал. По сути, мы почти все время проговорили о «Линкин Парк»[4 – «Линкин Парк» (Linkin Park) – американская рок-группа, исполнявшая музыку альтернативного рока и металла.]

На лице доктора Сильверстайн отразилось любопытство, и Эван понял: она даже не догадывается, о чем идет речь.

– Есть такая группа. Когда я позвонил Дэнни рассказать об итогах апелляции, по радио сказали, что в этот день родился их вокалист, умерший несколько лет назад[5 – Речь идет о Честере Беннингтоне, покончившем жизнь самоубийством 20 июля 2017 года.]. В свое время мы с Дэнни..

Он вдруг умолк и мысленно перенесся в тот вечер, когда они с сыном возвращались с футбольной тренировки. Эван включил в машине радио, и они стали горланить песню Numb.

– Эта музыка была своеобразным приемом, позволяющим укрепить между вами связь... – начала Сильверстайн.

Помимо своей воли Эван улыбнулся:

– В старших классах Дэнни был без ума от этой группы, хотя я никогда не мог этого понять. В их песнях столько жестокости. Они поют о подростковой злобе, о крахе отношений между сыном и отцом, – полная противоположность того, что было между нами.

Было больше похоже на ссоры Эвана с Мэттом.

– А как к этому отнеслись остальные члены вашей семьи? Как это перенесла Оливия?

Перед тем как в прошлом году Эван перешел на индивидуальные сеансы, чета Пайн раз в две недели по субботам приезжала в этот самый кабинет на семейную терапию, поэтому Сильверстайн хорошо знала и их самих, и те проблемы, с которыми они сталкивались.

– Лив? – переспросил Эван. – Думаю, она смирилась с мыслью, что Дэнни больше не выйдет из тюрьмы.

– А что после этого почувствовали вы?

Раньше такая реакция жены его бесила и приводила в ярость. Но сейчас он ей завидовал. Завидовал, что она каждый день не чувствует себя так, будто ее швырнули в озеро Мичиган, привязав к ногам и рукам шлакоблоки. Когда-то Эван читал о «сухом» утоплении, когда человек медленно умирает долгими часами или днями после того, как его вытащили из воды. Примерно то же самое он чувствовал последние семь лет – ему казалось, что из его истерзанных легких капля за каплей улетучивается кислород.

– Понимаю, каждый из нас по-своему справляется с бедой.

Доктор Сильверстайн будто насквозь видела его напускную рассудительность. Но торопить дальше не собиралась.

– А как отреагировали остальные дети?

– Мэгги держится молодцом, – Эван улыбнулся, подумав о дочери, – перед окончанием школы у нее куча дел, и это здорово помогает. Она у меня никогда не сдается, даже в самых трудных ситуациях. Уверена, старший брат выйдет, что бы там ни говорил Верховный суд.

Доктор Сильверстайн грустно посмотрела на мужчину.

– Томми же, то он... скажем, слишком мал, чтобы что-то понимать. К тому же Лив его старательно от всего этого оберегает.

Вскоре после ареста Дэнни Лив узнала, что ждет ребенка. Ей предстояло родить «на закате репродуктивного возраста», как дипломатично выразился врач. Они ничего такого не планировали, да и произошло все в самый неподходящий момент, однако эта беременность и ребенок их буквально спасли, особенно Лив.

Сильверстайн умолкла. Еще один психотерапевтический трюк. Пусть пациент сам заполнит паузу.

Эван наживку не заглотил, и она наконец спросила:

– А Мэттью?

Мужчина уставился в пол:

– Мы с ним по-прежнему не разговариваем.

– Получается... уже четыре месяца?

В ее голосе не было даже тени осуждения, лишь констатация факта.

Эван кивнул, сложив на груди руки. Он не хотел вникать в подробности и удивился, что доктор Сильверстайн не стала раскручивать эту тему дальше.

Окинув пациента задумчивым взглядом, она сказала:

– После травмирующего события, а на мой взгляд, решение суда именно таковым и является, семье неплохо было бы устроить что-то вроде перезагрузки. Провести немного времени подальше от привычного окружения. Повеселиться.

– Вы имеете в виду устроить отпуск? – уточнил Эван, прилагая массу усилий, чтобы не закричать «Какого черта?!».

– Можно и отпуск. Или просто провести вместе какое-то время. Всей семьей.

– Да я бы с радостью, но мы вряд ли сможем себе это позволить. Я имею в виду финансово.

Он вздохнул, решив, что вполне может позволить себе хоть что-то за те деньги, которые заплачены за сеанс, и добавил:

– Меня выгнали.

– Кто? – с озабоченностью в голосе произнесла Сильверстайн. – Вы хотите сказать, с работы?

– Ага. Двадцать пять лет, а потом – бабах!

С этими словами он изобразил руками взрыв.

– Что произошло? – Доктор Сильверстайн бросила взгляд на напольные часы, будто забеспокоившись, как бы ей теперь не понадобилось больше времени на беседу.

– То, что не могло не произойти.

– Что вы хотите этим сказать, Эван? – Она подалась вперед, переплела пальцы и посмотрела ему прямо в глаза.

– По правде говоря, я их ни в чем не виню. Это крупная компания, ведущая финансовую отчетность клиентов, и количество моих часов, подлежащих оплате, им внушило бы ужас. Особенно после перевода в чикагский филиал. Полгода назад я потерял основного клиента. Будем говорить прямо – все из-за того шоу.

– Вы имеете в виду документальный фильм?

Эван прилагал все усилия, стараясь сохранять хладнокровие: о чем еще могла идти речь, как не о том самом шоу, из-за которого все узнали о Дэнни Пайне и вдруг проявили к нему такой интерес. Именно из-за него об отказе Верховного суда пересматривать вынесенный Дэнни пожизненный приговор сообщили новостные каналы всей страны. И из-за него Эван тешил себя иллюзией, что через семь долгих лет Дэнни все же выйдет. Шоу «Природа насилия», ставшее настоящим поп-культурным феноменом.

– Да, – ответил он, – вы ведь тоже видели его, верно?

– Да, видела.

– Тогда вам и так все известно.

– Не уверена, что до конца вас понимаю.

– Я вел себя там как псих.

– Нет.

Эван в отчаянии посмотрел на нее.

– Мне кажется, вы вели себя как убитый горем отец, сына которого несправедливо посадили в тюрьму за убийство.

– И как псих тоже.

Она ничего не ответила, но согласилась с ним. Это было видно по ее глазам.

Проявив к нему сострадание, доктор воздерживалась от вопросов, мучавших его последнюю неделю.

На что ты собираешься жить? Как будешь платить за ипотеку? А за обучение Мэгги?

- Вы в порядке?

Эван откинулся на спинку стула и с шумом выдохнул воздух:

- Смешно, но в тот момент, когда мне сообщили об отклонении судом апелляции, я как раз слушал «Линкин Парк». Песню, вышедшую незадолго до смерти их вокалиста. С годами его песни немного подрастеряли злость и стали меланхоличнее.

Эван сглотнул застрявший в горле ком, чувствуя, как доктор Сильверстайн не сводит с него пристального взгляда.

- В ней поется, если на небе, где сияет миллион звезд, одна из них выгорит дотла и погаснет, до этого никому не будет дела[6 - Речь идет о песне из последнего альбома группы - «One more light».]

Сильверстайн прищурила глаза.

- А этот их вокалист, - начала она, - как он умер?

- Покончил с собой...

Повисла долгая пауза.

- Эван, - наконец самым что ни на есть серьезным тоном произнесла Сильверстайн, - а вы не?..

- Нет, конечно же.

Она еще ближе склонилась к нему и уже мягче добавила:

- Препараты, которые вы принимаете, могут внушать некоторым пациентам навязчивые мысли.

- Добавьте сюда усталость, проблемы с потенцией и бессонницу - в самый раз для человека, и без того страдающего депрессией.

Доктор Сильверстайн подперла ладонью голову:

- Я ценю ваш юмор, но говорю серьезно. Эти препараты иногда провоцируют суицидальные мысли. Они могут зародить в мозгу пациента иллюзию, что у него есть только один выход.

Или же позволяют ему наконец узреть истину.

- Вам не о чем волноваться, доктор Сильверстайн, - заверил Эван, - я в полном порядке.

По выражению ее лица он мог безошибочно сказать, что она ему не поверила.

Как он и говорил, терапевтом эта женщина была хорошим.

Фрагмент шоу

«Природа насилия»

Сезон 1/Эпизод 1

«Труп у ручья»

НА ФОНЕ ЧЕРНОГО ЭКРАНА ПРОИГРЫВАЕТСЯ ЗАПИСЬ СЛУЖБЫ 911

ОПЕРАТОР

Служба спасения 911, что у вас случилось?

абонент НА ЛИНИИ (с трудом переводя дыхание)

Я у Стоун-Крика, выгуливал собаку. Здесь тело... я... я... я... думаю, это девушка.

Где-то на заднем плане лает пес, он испуган.

абонент НА ЛИНИИ

Срочно пришлите сюда кого-нибудь.

Оператор

Успокойтесь, сэр. Вы говорите, там тело девушки? Она дышит?

абонент НА ЛИНИИ

Нет, ее голова... Здесь так много крови... Боже праведный...

ВСТАВКА – ВЫПУСК МЕСТНЫХ НОВОСТЕЙ

ВЕДУЩИЙ

Сегодня в деле об убийстве Шарлотты Роуз произошли значительные подвижки. В последний раз девушку из Адейра видели на вечеринке в загородном доме, а после нашли забитой насмерть дубинкой у ручья Стоун-Крик. Наши источники сообщают, что сегодня вечером был арестован молодой человек жертвы – Дэнисл Пайн...

В СТУДИИ

ТИТРЫ:

«Луиза Лестер, Институт по делам незаконно осужденных»

ЛЕСТЕР

Поначалу я была настроена скептически, поскольку Институт получает тысячи обращений за помощью от осужденных, настаивающих на своей невиновности. На этот раз нам написала двенадцатилетняя сестра заключенного, и мы просмотрели протоколы судебных заседаний.

Лестер с отвращением качает головой.

Обвинение исходило из теории, что Дэнни с Шарлоттой были на той вечеринке вместе. Она рассказала ему о своей беременности, и после этого между ними произошла ссора. Затем Дэнни вдрызг напился. В какой-то момент после вечеринки они вновь стали выяснять отношения. Он толкнул ее, она упала и ударилась головой, получив несовместимую с жизнью травму. Дэнни запаниковал, перевез ее тело на тачке к ручью, взял большой камень и разможил череп, превратив его в сплошное кровавое месиво. Однако крови на его одежде обнаружено не было, равно как и ДНК или других весомых улик. Ни малейших следов. Разве такое мог совершить пьяный подросток, едва державшийся на ногах? Затем мы выяснили, что обвинение отказалось признавать доказательства невиновности, представленные защитой...

Глава 4

МЭТТ ПАЙН

В комнате из шлакоблоков пахло хлоркой. Мэтт внимательно изучал агента Келлер, спокойно сидевшую напротив. Она была немногословна, но от нее исходила уверенность, от которой ему становилось как-то легче. Даже в тюрьме особо строгого режима, среди убийц, насильников и последних подонков, чьи проклятые души тихо стонали прямо за дверью, она все равно выглядела собранной и спокойной.

– Что-то они не торопятся, – произнес Мэтт, только чтобы не молчать.

В этой комнате они сидели уже добрых полчаса.

Келлер кивнула.

– В последний раз я виделся с ним, когда мы были еще детьми, – нервно продолжал Мэтт.

Он ни разу не навещал Дэнни в тюрьме. Папа всегда говорил, что брат не хотел, чтобы близкие видели его запертым, словно зверя в клетке.

Для Мэтта Дэнни будто застыл во времени, наподобие футбольной звезды маленького городка. Он не был Томом Брэди[7 – Том Брэди (р. 1977) – игрок в американский футбол, занимающий позицию квотербека, т. е. нападающего.], однако в Адейре штата Небраска – где по пятницам ночные огни уступали разве что Техасу – его брат был настоящей знаменитостью.

– Сколько вам было, когда его забрали? – спросила Келлер, словно преодолевая свое презрительное отношение к пустой болтовне.

– Четырнадцать.

Она снова кивнула:

– Вы были близки? Ну, то есть, до того, как...

– Да, – солгал Мэтт.

В детстве они действительно играли вместе долгими часами, строили крепости, забирались на деревья, возились с «Лего». Но когда в старших классах Дэнни стал местной звездой, Мэтт исчез из его вселенной. Да и отношения брата с отцом затмили все, что только можно. Мэтта попросту не замечали.

А потом убили красавицу Шарлотту. В последний раз ее видели на вечеринке у школьного друга, после которой кто-то до смерти забил ее дубинкой, а тело выбросил у ручья недалеко от их дома. В кустах у дороги, проходившей по участку семейства Пайн, полиция нашла тачку со следами крови. Никто не мог понять, зачем было перетаскивать труп девушки. Или зачем уже после смерти ее череп раскроили огромным камнем. С уверенностью можно было сказать только одно: злодеем был ее парень Дэнни Пайн.

С того момента жизнь уже никогда не была такой, как раньше. Для семьи Пайн начался новый отсчет времени, разделившийся на «до» и «после» смерти Шарлотты. Теперь новый отсчет начался для Мэтта.

– Значит, вы не встречались с ним с...

Заканчивать предложение она не стала.

– На суд родители нас не пустили. Мы говорили по телефону, но да.

В последний раз Мэтт видел Дэнни в тот самый вечер, когда убили Шарлотту, еще на свободе. Для него самого та ночь имела особое значение и по другой причине. Джессика Уилер попросила его улизнуть из дома и встретиться с ней. Это было до того, как у него появился телефон, поэтому она сунула ему в руку записку на уроке естествознания в девятом классе. Джессика сложила бумажку в квадратик и перевязала ее красной нитью, как маленькую посылку. Мэтт помнил, как развязывал бантик, как билось его сердце, пока он читал записку.

Встретимся на Бугре в 3 часа ночи?

Да или Нет

(нужное обведи)

Бугор славился на всю округу как романтический уголок, расположенный на вершине уединенного холма недалеко от ручья. Местечко для созерцания звезд и принятия не самых лучших решений. Мэтт, вполне естественно, обвел слово «да». И был буквально потрясен, увидев, что Джессика в самом деле пришла – в пижаме, тапочках и с фонариком в руке. Лежа спиной на холодной траве, они смотрели на звезды, усыпавшие чернильно-черное небо, и на луну, которую то и дело заслоняли облака.

– Мы как персонажи фильма «Спеши любить». Они тоже любовались звездами, – сказал Мэтт. – Смотрела его?

Она покачала головой:

– Старый и далеко не лучший. Как и большинство экранизаций Николаса Спаркса. Но та сцена получилась здорово. Ты всегда был без ума от кино? То есть ты постоянно сравниваешь все с тем, что видел на экране.

– Прости, – улыбнулся Мэтт, – моих домашних это сводит с ума.

– А мне кажется, это мило.

– Я и сам когда-нибудь хочу снимать фильмы. При Нью-Йоркском университете есть потрясающая школа кинематографа. Мой дедушка перед тем, как заболеть, говорил, кино – поэзия нашей эпохи.

Девочка повернулась и посмотрела ему в глаза.

– Николас Спаркс... А «Дневник памяти» ты смотрел?

– Конечно, смотрел. Критики его возненавидели, но это не мешает ему оставаться классикой. Сцена, когда герои целуются под дождем, считается...

Джессика приложила к его губам палец. Потом убрала его и нежно поцеловала. До этого поцелуя Райану Гослину и Рэйчел Макадамс было далеко.

Мэтт неосознанно коснулся губ, вспомнив электрический разряд, пронзивший тогда каждую частичку его тела, и в этот момент открылась дверь.

– Мэтти?

Увидев стоявшего перед ним человека, парень ошеломленно вскочил на ноги. Бывшая футбольная звезда из подростка превратилась во взрослого мужчину. Хотя выглядел он по-прежнему хорошо – белокурые волосы, квадратная челюсть, – Мэтт заметил в его голубых глазах, когда-то таких ясных, суровое выражение. И, судя по жесткому взгляду Дэнни, видеть брата он был совсем не рад.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он. – Я же сказал папе, что не хочу, чтобы...

Дэнни вдруг осекся, увидев Келлер.

– А вы кто такая?

– Лучше присядь, – попросил Мэтт.

Дэнни остался стоять, и охранник подвинул ему стул:

– Садись, Дэн.

Его голос звучал строго, но в нем слышалась озабоченность, будто надзиратель был в курсе происходящего.

Дэнни сел и посмотрел Мэтту в глаза.

– Давайте оставим их одних, – сказала Келлер.

Охранник, похоже, был только рад. Да, он определенно все знал.

– Что, черт возьми, происходит, Мэтти?

Сдерживая подступившие к глазам слезы, Мэтт стлотнул застрявший в горле ком размером с кулак.

– Произошел несчастный случай.

– Несчастный случай? – повторил за ним Дэнни. – Какой еще несчастный случай? Что ты такое...

– Папа и мама. Мэгги и Томми. На весенние каникулы они поехали в Мексику. Их больше нет, Дэнни.

– Как это – нет?

В голосе брата явственно прозвучали недоверие и страх.

– Предполагается, что в арендованном ими доме произошла утечка газа, – продолжил Мэтт.

Дэнни положил ладони на стол и откинулся назад, будто пытаясь отгородиться от этих слов. У того на скулах заходили желваки. Потом он заговорил, хотя казалось, что слова из горла ему приходилось выдирать клещами.

После этого Мэтт десять минут наблюдал, как старший брат разваливается на миллион маленьких кусочков, в точности как он сам нынешним утром.

Наконец раздался стук, и охранник просунул голову в дверь.

– Пора возвращаться, прощайтесь, – сказал он и собрался было уйти, но бросил на Дэнни пристальный взгляд и добавил:

– Соберись.

Рукавом рубашки брат вытер слезы, и Мэтт понял: надзиратель велел ему взять себя в руки. В таком месте нельзя показывать слабость.

– Когда узнаю больше, я тебе позвоню, – пообещал Мэтт.

Дэнни ничего не ответил.

Мэтт сидел, не зная, что добавить. Да и что тут можно было еще сказать? Их родителей, брата и сестры больше не было, а сами они едва знали друг друга.

Вернувшись, охранник повел Дэнни к двери.

Перед тем как выйти из комнаты, тот повернулся и сказал:

– Не приезжай сюда больше, Мэтти.

Потом сглотнул и добавил:

– Они потратили на меня слишком много лет своей жизни. Не поступай так же.

И ушел.

Келлер, маячившая в проеме двери, наблюдала за сценой их прощания.

– Вы в порядке? – уточнила она.

Мэтт оставил ее слова без ответа. Его разбирала злость за то, что она заставила его это сделать.

Чтобы вывести их из тюрьмы, появился еще один охранник. Они пошли за ним вдоль начерченной на бетонном полу желтой линии. Мэтт чувствовал, как сверху из-за решеток на них смотрят заключенные. Ожидая, когда зажужжат двери, чтобы выпустить их наружу, он внимательно вгляделся в полумрак и заметил в противоположном конце коридора надзирателя, конвоировавшего Дэнни в его камеру.

Брат, как и раньше, шествовал с видом футбольной звезды, устраивая шоу для других заключенных. Но даже после всех этих лет у него осталась довольно высокомерная походка.

Мэтт вновь мысленно вернулся в ту ночь с Джессикой Уилер. Вспомнил, как вприпрыжку возвращался, проводив ее домой, в четыре часа утра с такой лучезарной улыбкой, что ее можно было без труда разглядеть на погруженной во мрак тропинке, проходившей мимо их дома. Той, на которой он увидел силуэт своего брата в школьной спортивной куртке в тот самый момент, когда тот с таким же самоуверенным видом катил перед собой тачку в сторону ручья.

Глава 5

Мэтт сидел, прислонившись к заднему окну внедорожника. По стеклу ритмично барабанили капли дождя.

Келлер сидела впереди на пассажирском сиденье, прижав к уху телефон. По какой-то причине на вертолете они обратно в город не полетели. Он понятия не имел, сколько им предстоит ехать. Час? Два?

Машина съехала с автомагистрали I-87 и подкатила к заправочной станции «Шелл». Сидевший за рулем агент в неизменных темных очках вышел из машины и стал заливать в бак горючее.

– Пойду возьму кофе, – повернулась к нему Келлер, – вам что-нибудь купить?

– «Маунтин Дью» был бы в самый раз, мне надо взбодриться.

Келлер нахмурилась, всем своим видом выражая неодобрение, и направилась к круглосуточному магазинчику при заправке.

Мэтт вновь мысленно вернулся к Дэнни и представил, как его брат в своей камере сейчас сдерживает слезы. Какое жуткое место, раз малейший признак проявления чувств воспринимается как слабость и превращает человека в легкую добычу. Ему вспомнились мышцы, которые Дэнни накачал в тюрьме, и его холодный взгляд.

Келлер вернулась с кофе и небольшим пластиковым пакетом, устроившись рядом с Мэттом на заднем сиденье. Она вытащила из пакета бутылку воды с яблоком и протянула их ему.

– «Маунтин Дью» закончился, – она точно врала. – Как бы там ни было, нас учили, что вода бодрит человека гораздо лучше кофеина.

– В самом деле? – хмыкнул Мэтт, показывая глазами на бумажный стаканчик в руке Келлер.

Она хитро ему улыбнулась и сделала глоток. Водитель завел двигатель, но Келлер так и осталась сидеть на заднем сиденье, и Мэтт понял, что она хочет с ним о чем-то поговорить.

– Послушайте, – начала женщина, когда внедорожник выехал обратно на федеральную автостраду, – я понимаю, время сейчас самое неподходящее, но нам надо, чтобы вы нам кое в чем помогли.

Мэтт выпрямился и сделал приличный глоток воды:

– Разумеется.

– Мы столкнулись с проблемой... Дело в том, что мексиканские власти... – Келлер сделала вдох, – ...не хотят выдавать тела ваших близких для возвращения домой. Говорят, для этого им нужен ближайший родственник, подписать какие-то бумаги.

– Хорошо. Пусть присылают, я все подпишу.

– В том-то все и дело. Они не хотят ничего присылать и настаивают на личном присутствии.

– Погодите... Что вы сказали?

– Мы задействовали официальные дипломатические каналы, но местная полиция уперлась. Они не особо делятся с нами информацией и требуют, чтобы близкий родственник явился туда собственной персоной.

– А зачем им это?

– Вполне возможно, там забеспокоились из-за туризма, ведь случившееся далеко не лучшая реклама. С другой стороны, за этим просто может стоять бюрократ, упивающийся своей властью. Но может быть и так, – добавила она и посмотрела парню в глаза, – что они что-то скрывают.

Мэтт обдумал ее слова.

– Если вы считаете это необходимым, – ответил он, – то я, конечно же, поеду. Когда мне надо лететь?

– Мы забронировали вам билет на завтрашний утренний рейс.

Мэтт вздохнул. Неужели вся эта гребаная неделя будет такой паршивой? Он неопределенно кивнул и опять уставился в окно. О готовности куда-то ехать говорить не приходилось. На его банковском счету осталось меньше сотни долларов, а брать деньги у родителей после ссоры с отцом он отказался наотрез.

Они долго молчали, пока внедорожник катил до бульвара Генри Хадсона и дальше по Манхэттену.

Дождь прекратился, тучи разошлись, и между ними проглянуло солнце. Золотистый вид окрестных домов напомнил Мэтту об одной их семейной традиции. Каждый год в июле компания, в которой работал отец, проводила в Нью-Йорке общее собрание, на которое они отправлялись всей семьей. Это событие всегда совпадало с Манхэттенхенджем – одним из двух дней в году, когда закатное солнце идеально подстраивается под планировку нью-йоркских улиц и садится за горизонт в обрамлении небоскребов и многоквартирных домов. Мэтту вспомнился последний такой Манхэттенхендж перед новым отсчетом времени – тогда они сидели в кафе на Четырнадцатой стрит. Мама и папа держались за руки, чуть пьяные от вина и атмосферы окружавшего их города. Дэнни заглядывался на девчонок, прогуливавшихся в коротеньких юбках и темных очках. Мэгги уткнулась в путеводитель и донимала остальных сведениями о нынешнем редком солнечном явлении.

В прошлом году Мэтт тоже заглянул в это кафе. Все сидели на своих местах: папа рядом с Мэгги, напротив нее мама, бок о бок с которой, на бывшем месте Дэнни, устроился Томми. К ним пристроился и Мэтт, втиснувшись за небольшой столик. Все вели себя как роботы, делая вид, будто привычный ритуал по-прежнему имеет значение. Новая версия семейства Пайн, так и не ставшего лучше. А теперь его внутренности выворачивала боль от того, что обе версии его семьи мертвы. После долгих лет горечи, гнева и тоски по первоначальной версии Пайнов он пожертвовал бы чем угодно, лишь бы вернуть обратно ту не совсем нормальную семью, которой они стали после нового отсчета времени. Пожертвовал бы чем угодно, лишь бы сказать отцу, как он сожалеет о том разговоре. Сказать маме, как много она для него значит. Сказать Мэгги, каким светом она озаряла всю его жизнь. Сказать Томми, как он их всех спас. Но прошлое, сколько о нем ни тоскуй, осталось позади. Опустошение и хрупкость всего того, что составляло их былую жизнь, было выше его сил.

– Куда вас отвезти? – спросила Келлер. – В кампус?

– Думаете, они уже уехали?

– Кто? Журналисты?

– Ну да.

– Сомневаюсь, – нахмурилась она, – а у вас нет друга, к которому мы могли бы...

– Если не возражаете, отвезите меня на Седьмую Ист-стрит.

Водитель бросил взгляд на Келлер в зеркало заднего вида, и та ему кивнула. Внедорожник маневрировал в потоке машин, пока не встал наглухо в пробке. После чего агент включил на приборной панели проблесковый маячок, и автомобили впереди расступились в стороны, образовав узкий проход.

Мэтт опять уставился в окно на людей, торопящихся на пригородные поезда, в тесные квартиры или в бары на счастливые часы.

Наконец внедорожник остановился у тротуара на Седьмой.

– Здесь? – уточнила Келлер, бросив взгляд на захудалую парикмахерскую и химчистку по соседству с ней.

– Мой друг живет наверху, – пояснил Мэтт, глядя на пятиэтажное здание, давным-давно нуждающееся в покраске.

Женщина кивнула:

– Я как раз получила сообщение, что нашелся ваш телефон. Если вам удобно, я могу привезти его до завтрашнего отлета.

– Хорошо.

– Мы также отправим агента с вами в Мексику.

– Мне не нужна нянька, – отрезал парень.

– Это нужно только для того, чтобы убедиться, что вы...

– Я предпочел бы поехать один.

Келлер нахмурилась:

– Ладно. Но позвольте по крайней мере сотруднику нашего консульства встретить вас в аэропорту. Он отвезет вас в Тулум.

Со стороны Мэтта возражений не последовало, и она протянула ему листок бумаги.

– Это информация по вашему рейсу. – Парень опять промолчал. – У вашего друга есть номер, по которому мы могли бы с вами связаться?

– Есть, но я не знаю его наизусть. Он у меня в телефоне.

Искусство запоминать десятизначные номера полностью уничтожено Apple.

– Ладно, – сказала она и протянула ему визитку. – Вот мои контакты.

Мэтт бросил взгляд на карточку. САРА КЕЛЛЕР, ОТДЕЛ ФИНАНСОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. В его голове на миг промелькнул вопрос: с какой стати с ним так нянчилась агент, занимающаяся финансовыми преступлениями? До этого ему казалось, что ФБР подключилось к делу либо из-за Дэнни и того фильма, либо из-за гибели американцев на территории другого государства. Что-то в этом роде.

Он открыл заднюю дверцу и вылез на улицу. Вновь вернулись облака, заслонив собой солнце.

– И последнее, Мэтт, – окликнула Келлер, пока он не захлопнул дверцу, – я правда очень сожалею о вашей утрате.

Он бросил последний взгляд на федерального агента и... поверил ей.

Глава 6

Мэтт снова ткнул в звонок обветшавшего многоквартирного дома. И опять без ответа. Затем оглядел улицу, вдоль которой выстроились шеренгами помятые автомобили и многоквартирные дома с кондиционерами, нависшими над тротуаром. Потом заглянул в затемненные окна парикмахерской, но увидел лишь смутные очертания четырех кресел с расположенными перед ними зеркалами. Снова нажал на звонок. Его и на этот раз оставили без внимания, поэтому он зашагал по улице, чтобы зайти с черного хода. К зданию крепилась шаткая, проржавевшая пожарная лестница – воплощение несчастного случая, который только и ждет своего часа. Мэтт подпрыгнул, ухватился за нижнюю перекладину и подтянулся. Лестница с громким лязгом соскользнула вниз.

Он забрался наверх, ступил на узкий металлический бортик четвертого этажа, заглянул в окно и увидел Ганеша в полной отключке. Лежавшей на журнальном столике травки с лихвой хватило бы на целый табачный магазин. Из приоткрытого окна доносился ор включенного на полную громкость телевизора. Мэтт постучал в окно.

Когда Ганеш даже не пошевелился, парень просунул под раму пальцы и поднял ее. Перекосившись от ржавчины и времени, та намертво застряла на полпути, и он влез в образовавшийся проем.

– Ганеш, – позвал Мэтт, но приятель даже не сдвинулся с места, лежа с открытым ртом, в очках в пластмассовой оправе и с пакетом чипсов на коленях.

– Ганеш, – повторил парень, на этот раз громче, перекрывая назойливую болтовню телеканала Fox News, изливавшуюся из висевшего на стене напротив телевизора.

Приятель в испуге вскочил, посмотрел по сторонам, но, увидев Мэтта, сразу расслабился.

– Ну ты, братан, даешь... я чуть не обделался, – произнес Ганеш с легким, едва заметным акцентом уроженца Индии, но скорее как британец, нежели индус.

– Прости, я звонил в дверь, но ты не ответил, так что я...

С этими словами он кивнул подбородком на окно.

Однажды, когда Ганеш забыл ключи, они уже поднимались таким образом в квартиру. Но на этот раз Мэтт, по крайней мере, был трезв.

– Не парься.

Кудрявые волосы Ганеша торчали в разные стороны. Он сел, отряхнул с рубашки крошки от чипсов и искоса посмотрел на Мэтта.

– Я слышал... Ты получил мои сообщения? Даже не знаю, что сказать.

Мэтт кивнул. Что бы ни сказал Ганеш или кто-либо другой, от этого ровным счетом ничего не изменилось бы.

Приятель подался вперед и взял с журнального столика высокий цилиндрический бонг. Зажав его в одной руке, а в другую взяв зажигалку, он предложил Мэтту сделать затяжку первым.

Тот отмахнулся. К травке он никогда не питал особого интереса и никогда не мог понять, как Ганеш, выступавший за республиканцев и ратовавший за строгость закона, постоянно прибегал к наркотикам. Именно это с первого дня и составляло главную загадку его соседа по комнате. Программу, рассчитанную на четыре года, Ганеш одолел за три и уже поступил на медицинский факультет изучать неврологию. Мозг Ганеша сам был достоин изучения. Будучи консерватором, он поступил в либеральный университет Нью-Йорка. Будучи иммигрантом, он любил скандировать «Построим стену!». Будучи скептиком, он был невероятно восприимчив к всевозможным теориям заговоров, которыми пестрят кабельные каналы. Выросши в Мумбае в пентхаусе стоимостью в десять миллионов долларов, он решил поселиться в дрянной квартирке на окраине Ист-Виллиджа.

Ганеш выдохнул клуб дыма и навел на телевизор пульт.

– Сегодня по телику показывали того чмошного куратора общаги. И твою девушку.

– Бывшую, – поправил его Мэтт.

– Я это записал, – сказал Ганеш и кликнул на выпуск местных новостей.

Тут же появилась чопорная физиономия Филлипа.

– Мы все убиты... такое горе... – начал он.

– Вы близко знакомы с Мэттом Пайном? – спросила его белокурая журналистка с микрофоном в руке.

– Да-да. Я ведь не только куратор их общежития. Мы как одна семья.

На этих словах Ганеш закашлялся, извергнув клуб дыма.

Потом подошла очередь Джейн. Ее длинные рыжие кудри развевались, будто их только что уложили, а в глазах поблескивали слезы.

– Мистер и миссис Пайн были удивительными людьми. Они относились ко мне как к родной дочери. А сестра Мэттью Маргарет была такой особенной девочкой – она была опорой семьи, а осенью собиралась поступать в Массачусетский технологический институт. Ну и, конечно же, Томми... Не мальчик, а чудо... – сорвавшимся голосом добавила девушка.

Джейн говорила искренне. А вчера вечером она сообщила, что любит его, но не получает от отношений того, что ей нужно. Чем бы это ни было. В том, что Джейн бросила его, ничего удивительного не было. Хотя для такого наблюдательного парня, каким его считали, приближение подобной развязки он явно прошляпил. Она выросла в потрясающей квартире в Верхнем Вест-Сайде, была наследницей приличного состояния и должна была выйти замуж за одного из выпускников бизнес-школы Стерн, которые носят костюмы и кейсы для демонстрации принадлежности к высшему классу. Порой Мэтт подозревал: она встречалась-то с ним, студентом-кинематографистом, выживающим на стипендию, только чтобы побесить родителей.

На экране появились кадры с Дэниэлом из документального фильма. Мэтт протянул руку к пульту и выключил запись.

Они с Ганешем долго сидели, не произнося ни слова. Один с головой ушел в свои мысли, второй, обкуренный, лишь время от времени засовывал в рот очередную порцию соленых, сдобренных уксусом чипсов, не захламляя разговор всякими банальностями. Эту черту Мэтт больше всего в ценил в друге. Ганеш никогда не говорил лишнего. Когда на первом курсе вышла та документалка и вся жизнь Мэтта превратилась в хаос, Ганеш помог ему не сойти с ума. «Да не парься ты так, братан, – говорил он, – давай лучше используем шоу, чтобы девчонок цеплять». Совет оказался далеко не худший.

Ганеш наконец-то прервал молчание:

– В Бруклине сегодня тусовка, я как раз туда собирался. Если хочешь, пойдем со мной.

– Думаю, я воздержусь. Не против, если я останусь на ночь?

– Ну конечно, друг. Сколько надо, столько и живи. Все будет как в старые добрые времен, – произнес Ганеш таким тоном, словно их первый курс остался где-то далеко позади. В каком-то смысле так оно и было. – Я могу не идти, если не хочешь оставаться один, я мог бы...

– Нет-нет, иди. У меня выдался долгий день, я просто немного посплю.

– Клево-клево-клево, – Ганеш исчез в ванной и вскоре вышел оттуда в худи, благоухая дезодорантом «Ахе».

– Твоя бывшая забрасывает меня сообщениями, обыскалась тебя. Все остальные тоже. Если хочешь, я могу...

– Не говори им пока, где я. Мне нужно немного побыть одному. Утром я со всем разберусь.

Ганеш кивнул:

– Ты точно не хочешь со мной пойти? Отвлечись от всего?

Мэтт покачал головой.

Что-что, а такое себе на пользу уж точно не обратишь.

– Иди уже, повеселись хорошенько.

Ганеш запихнул в карман толстовки остатки травки с журнального столика и вышел.

Оставшись один, Мэтт свернулся калачиком на диване друга и заплакал.

Глава 7

САРА КЕЛЛЕР

Агент Келлер вставила ключ в замочную скважину двери небольшого дома, смахивавшего на ранчо, пока у фонаря над ее головой кружили мотыльки. Ридингтон в штате Нью-Джерси отнюдь не считался элитным городком, что вполне ее устраивало. С учетом зарплаты агента ФБР здесь хотя бы цены не были запредельные. К тому же в окружении семей рабочего класса и молодых пар, заимевших свой первый собственный дом, она чувствовала себя в безопасности.

В прихожей она услышала доносящиеся из кухни голоса и остановилась. Тихо положила ключи в чашу на столике и неслышно пошла вперед, осторожно ступая по деревянному полу и стараясь избегать скрипучих половиц.

У двери на кухню шум стал громче. Трещало, будто играли на маракасах.

И веселое хихиканье.

Келлер незаметно заглянула внутрь.

У плиты стоял Боб, готовя попкорн, который нужно помешивать на огне в воронке из фольги. За его действиями зачарованно наблюдали близнецы: Майкл в пижаме с динозавром, а Хезер в хлопковом халатике с диснеевской принцессой.

Боб быстро помешивал кукурузные зерна в формочке из фольги, пока дети вертелись из стороны в сторону с той же скоростью, с какой орудовал он. Вдруг мужчина остановился, и двойняшки замерли на месте: Майкл – вскинув руки, как пугало, а Хезер – вовсе стараясь сдержать смех. Зашипело масло, и Боб стал выписывать сковородой широкие восьмерки, а дети вращать бедрами в такт, будто кружа невидимые обручи.

Келлер почувствовала, как ее затопила волна нежности. Боб начал лысеть и ничуть не напоминал стильных, ложенных молодых агентов ФБР. На его голове красовался старомодный венчик густых черных волос. Из футболки с изображением какой-то группы выпирал пухлый живот, но их детям он внушал такой же трепет, что и кинозвезда своим фанатам. Самой Келлер, впрочем, тоже.

Некоторые девушки хотят выйти замуж за мужчин, похожих на их отцов. Келлер подозревала, причина несчастий такого множества семей кроется в том, что женщины ищут идеализированные версии первого в своей жизни мужчины. Однако сама она в отношении родителя никаких иллюзий не питала. Если ее отец был ловким, энергичным крестом, уделявшим слишком много внимания собственной внешности, то Боба можно было по праву назвать папой-домоседом, который... Ну, просто взгляните на него. Отец считал, что демонстрировать чувства – удел слабаков, в то время как у Боба вся душа была нараспашку – он в открытую плакал, когда смотрел фильмы и школьные спектакли детей. И если отец, следуя старейшему на свете стереотипу, завел интрижку с секретаршей, то Боб был верен ей, как лабрадор. Но самое главное – отличался невероятной добротой.

– Мама! – хором заорали близнецы, наконец заметив, что она подглядывает за ними из-за двери.

Келлер опустилась на колени. Когда дети бросились ее обнимать, она ощутила лучшее чувство на земле.

Боб переставил попкорн на незажженную конфорку, подошел к ней и поцеловал.

– А мы будем смотреть «Холодное сердце»! – заявила Хезер.

– Опять? – Келлер подняла на мужа глаза. – Вам давно пора лежать в кроватках.

– Мамочка, ну пожалуйста! – взмолился Майкл.

– Папа нам разрешил! – вклинилась дочь.

– Дайте маме хоть минутку отдохнуть. У нее сегодня был долгий день. – Потом Боб взглянул на Келлер. – Тебе что-нибудь приготовить?

– Я перекусила сэндвичем.

– Может, тогда немного вина? – предложил он, разрезая фольгу и высыпая попкорн в пластиковую миску.

– А вот это с удовольствием.

Мужчина посмотрел на двойняшек.

– Включайте фильм, мы сейчас придем.

Майкл схватил миску и вышел из гостиной, сестра последовала за ним.

– Ешьте понемногу, подавиться попкорном проще простого, – крикнул отец им вслед.

Келлер села за небольшой кухонный стол. Боб достал бокал и поставил его перед женой. Затем продемонстрировал бутылку со словами: «Только лучшие вина из коллекции Trader Joe's» [8 – Американская сеть супермаркетов.], фальшиво имитируя французский акцент, и налил ей.

Женщина сделала бокалом несколько круговых движений, поднесла к носу и немного отпила, пробуя напиток на вкус.

– Не Whole Foods[9 – Американская сеть супермаркетов, специализирующаяся на продаже органических продуктов без искусственных консервантов, красителей, усилителей вкуса, подсластителей и трансжиров.] 2019 года, конечно, но все же сойдет.

– Я так понимаю, денек выдался еще тот? – спросил муж, устраиваясь рядом с ней.

Из груди Келлер вырвался тяжкий вздох.

– Я отвезла парня на север штата в тюрьму Фишкилл, чтобы он рассказал обо всем брату.

– Как он?

– Ему двадцать один. Его родители, брат и сестра погибли, а старший брат сидит в тюрьме. И не забывай о том цирке, который устроили журналисты.

Боб кивнул.

– У меня из головы никак не идет его семья, – продолжала Келлер. – Их мальчик был ровесником наших близнецов.

Боб накрыл ладонью руку жены.

– Раз уж мы о них заговорили... Что-то они подозрительно притихли. Я сейчас вернусь.

С этими словами он вышел из кухни, а когда вернулся, на его руках крепко спали близнецы.

– Ой... а я так хотела с ними пообниматься.

– Смотри на вещи оптимистично. Тебе и правда хотелось пересматривать «Холодное сердце»?

Боб разнес детей по их спальням и вернулся.

– Прости, я все время пропадаю на работе в последнее время.

– Тебе не за что извиняться.

Келлер допила вино, и он налил ей еще.

– Думаешь, это как-то связано с компанией его отца?

Проводимое расследование об отмывании денег фирмой Marconi было единственной причиной, по которой Келлер привлекли к этому запутанному делу с Пайнами.

– Сомневаюсь. Эван Пайн в компании был мелкой сошкой, – ответила она. – И в список допрашиваемых попал только потому, что его уволили.

Те, кому указали на дверь, всегда с охотой поливают грязью бывших работодателей.

– Но совпадение, согласись, довольно странное, – заметил Боб. – Компания водит темные делишки с картелем, а потом вдруг в Мексике погибает целая семья.

– Фишер тоже так сказал, но это притянута за уши. Ему просто хочется провести связь, чтобы подключиться к громкому делу и обратить на себя внимание высокого начальства.

– Значит, по-твоему, это банальный несчастный случай?

– Я этого не говорила.

Фрагмент шоу

«Природа насилия»

Сезон 1/Эпизод 3

«Вы, чертовы идиоты»

ТЕМНЫЙ ЭКРАН

На фоне шепота толпы звучит голос СУДЬИ, сообщающего, что присяжные вынесли вердикт.

ПОСТЕПЕННО ПОЯВЛЯЕТСЯ ИЗОБРАЖЕНИЕ

КАДРЫ ИЗ ЗАЛА СУДА

Судья зачитывает вердикт, зрительские ряды отзываются смесью одобрительных возгласов и плача. Звучит призыв к порядку. В этот момент встает человек, гневно тычет пальцем в судью, прокурора, адвоката защиты и, наконец, в скамью присяжных.

ЭВАН ПАЙН

Вы чертовы идиоты! Позор вам всем!

СУДЬЯ

Успокойтесь! Я не допущу беспорядков в зале суда.

ЭВАН

Он невиновен. Вы все придурки! Уроды!

Рядом с Эваном Пайном появляются ДВОЕ ОХРАННИКОВ, завязывается драка, в результате чего его выволакивают из зала суда.

ЭВАН

Он невиновен. Мой сын невиновен!

Глава 8

ЭВАН ПАЙН

До этого

Эван с любопытством вглядывался в человека с безумным взглядом. В мятой рубашке и с растрепанной шевелюрой тот больше походил на бездомного уличного проповедника, решившего устроить проповедь в метро. А если нет, то на одного из тех фанатичных экспертов, которых так любят показывать по кабельному телевидению.

– С приходом эры ДНК, – вещал тот, – мы поняли то, что многие до сих пор не в состоянии принять: за решеткой сидит огромное число невиновных. И знаете, что я вам скажу? Примерно четверть из них сами себя оговорили. Так что, когда вам говорят, что невиновные не признаются в преступлениях, которых не совершали, все это чушь собачья. Причем подростки признаются гораздо чаще взрослых. По результатам одного исследования с использованием ДНК выяснилось, что сорок процентов оговоривших себя – дети...

Кликнув мышкой ноутбука, Эван поставил видео на паузу. Чушь собачья. Этой фразой он обычно никогда не пользовался. Впрочем, это не помешало ему произнести ее перед двадцатью миллионами зрителей. Как-то раз он совершил ошибку, взявшись читать комментарии на одном из форумов, посвященных документальному фильму.

А папаша-то совсем сбрендил.

Настолько опустошен, что уже ничего не соображает.

Свободу Дэнни Пайну!

Нашел из-за кого переживать, твою мать. Надеюсь, его сын сгниет за то, что сделал с этой несчастной девушкой.

За кадром режиссеры фильма Джуди и Айра Адлер поддерживали бушующий в груди Эвана огонь и действовали из лучших побуждений, веря в невиновность Дэнни. Однако впоследствии Эван все равно на них злился, не в состоянии ничего с собой поделаться, за то, что они выставили их личную жизнь на всеобщее обозрение. За то, что подали ему ложную надежду. Он кликнул мышкой, и его лицо снова пришло в движение.

За кадром раздался голос Джуди:

– Но если Дэнни не имел к этому отношения, откуда ему было знать, что Шарлотте раскроили череп камнем?

– Ничего он не знал, – зло ответил Эван, – все подробности преступления ему скормили те два копа. Боже, вы бы хоть запись посмотрели.

На экране пошли печально известные кадры допроса. На них Дэнни, понуриив голову, сидел за столом в допросной без окон после того, как копы рано утром увезли его из дома. Эвана, уехавшего по делам, в городе не было. Лив бегала по делам и пропустила звонки от Мэгги.

Здоровенный полицейский, детектив Рон Сэмпсон, оглушительно хлопнул по столу ладонью. Дэнни поднял опухшее, заплаканное лицо.

Вторая полицейская, детектив Венди Уайт, с завитой челкой, модной году этак в 1985-м, начала допрос:

– Просто расскажи нам, что ты сделал, и мы с этим покончим. Ты сможешь уйти домой.

– Я ничего не делал.

– Хватит врать! – вскричал Сэмпсон голосом, выдававшим злость, вызванную многочасовыми допросами.

В груди Эвана кольнуло чувство вины: ни одной живой души – ни его самого, ни Лив, ни адвоката – не оказалось рядом, чтобы помочь сыну. За какие-то две недели до этого Дэнни исполнилось восемнадцать. Формально он уже

считался взрослым, поэтому копам не нужно было ставить в известность родителей. Но так или иначе, полети Эван другим рейсом или окажись Лив тогда дома, все могло бы... На этой мысли он себя оборвал, не желая опять двигаться по этому пути.

– У нас имеются твои отпечатки пальцев на камне, – продолжал Сэмпсон, играя плохого полицейского.

Ложь.

– Просто расскажи нам правду, и мы отпустим тебя домой, – добавила Уайт. – Мы поговорим с твоими родителями и во всем разберемся. Я не сомневаюсь, заранее ты ничего не планировал.

Дэнни покачал головой.

– А давай засадим его за решетку. – гнул свое Сэмпсон. – Уверен, сокамерники здорово развлекутся с таким упрямым красавчиком, как он.

– Нет, еще рано, – тихим голосом возразила Уайт. – Дэнни, расскажи нам правду, и мы отпустим тебя домой.

– Хорошо... – наконец произнес парень в слезах, совершенно выбившись из сил.

– Что «хорошо»? – переспросила Уайт.

– Я это сделал.

– А конкретнее? – Сэмпсон положил руку Дэнни на плечо, чтобы успокоить. – Расскажи нам, что ты сделал с Шарлоттой.

– Я ударил ее камнем.

– Молодец, – одобрила Уайт. – И как именно ты воспользовался камнем?

– Я... э-э-э... я его бросил в нее.

Эти слова прозвучали скорее как вопрос.

– Дэнни, тебе не хуже меня известно, что такой большой камень ты бросить не мог. – Сэмпсон резко убрал руку с его плеча, – Ну все, с меня хватит.

С этими словами он встал, громко проскрипев стулом по линолеуму, и демонстративно вытащил наручники.

– Так как же ты воспользовался тем тяжеленным камнем? – настойчиво продолжала Уайт, будто пытаясь опередить своего напарника.

Дэнни покачал головой и неразборчиво что-то пробормотал.

– Ты уже признался, к тому же у нас есть доказательства. Ты себе pomoжешь, только если расскажешь нам, что сделал с ней.

– Я ударил ее камнем, – сглотнул Дэнни застрявший в горле ком.

- Куда именно? - уточнил Сэмпсон, усаживаясь обратно за стол.
- По голове.
- Умничка, - произнесла Уайт, - делаешь успехи.
- А сколько раз ты ударил ее камнем? - продолжал Сэмпсон.
- Один.
- Хватить нам уши притирать, - произнес тот. - У нас есть доказательства.
- Просто расскажи нам правду, мы закроем этот вопрос, и ты сможешь отсюда уйти, - сказала Уайт. - Одним ударом ты не смог бы так размозжить ей голову.

Дэнни подавил рвущиеся наружу рыдания.

- Расскажи нам, как все было, и покончим с этим, - повторила Уайт.
- Два раза.
- Нет, - возразил Сэмпсон.
- Три, - ответил Дэнни.
- Отлично, молодец, Дэнни, ты действительно делаешь успехи, - сказала Уайт. - Теперь расскажи нам почему? Может, всему виной стала ссора на вечеринке?

Он кивнул, не отрывая от пола глаз.

- Умничка, Дэнни.
- А потом ты погрузил ее на тачку и отвез к ручью, так?
- Ну да, - ответил Дэнни и положил голову на стол.

Копы переглянулись, Сэмпсон едва заметно кивнул Уайт. Именно этого они и добивались.

Дэнни поднял голову, посмотрел на детективов и тихо спросил:

- Теперь я могу пойти домой?

Ткнув пальцем в клавиатуру ноутбука, Эван закрыл видео. Сколько бы он ни смотрел его, в жилах все равно закипала кровь, а кулаки сжимались. Память по-прежнему хранила воспоминания о том, как плакал Дэнни, когда Эвану наконец удалось добраться до полицейского участка. Нет ничего более душераздирающего, чем слезы собственного ребенка. Дэнни сидел, будто

контуженный, и все спрашивал, когда ему можно будет пойти домой, переживал, что к понедельнику ему надо готовить какой-то школьный проект.

Эван схватил стоявшую на кухонной стойке бутылку и налил большой стакан шотландского виски. Это помогало не хуже – и даже лучше – сеанса психотерапии, который он посетил днем.

В доме стояла гробовая тишина. Лив с Томми уехали к ее отцу в Небраску. Тот опять создал кучу проблем дому престарелых, в котором жил, и теперь Лив надо было убедить их его оттуда не вышвыривать. Мэгги отправилась с ночевкой к подруге. Так что более подходящего момента даже желать нельзя было.

Солнце начало садиться, и по кухонной стойке медленно поползли тени. Он опять кликнул мышкой, открыл сайт банка и проверил сберегательный счет. Меньше двух тысяч долларов. Лучше ему от этого не стало. На следующей неделе предстояло платить ипотечный взнос. Свою аферу – десятки тысяч, потраченные на юристов и частных детективов для Дэнни – он умудрился скрыть. Но вскоре предстояли выплаты. Эван представил Лив, когда она увидит баланс. Когда узнает, что его уволили, а он только делал вид, будто ездит на работу.

Эван представил лицо своей жены. Тревогу, которая сменится яростью, когда она настоит на том, чтобы проверить остальные счета, и узнает, что от денег, отложенных на учебу Мэгги, осталось лишь двенадцать тысяч триста тридцать два доллара. Слишком мало даже для того, чтобы оплатить проживание в общежитии Массачусетского технологического института.

Закрыв сайт, он установил время автоматической отправки электронного письма, чтобы Лив только завтра получила просьбу позвонить в полицию и позаботиться, чтобы Мэгги оставалась у Харперов до тех пор, пока не увезут его тело. В нем также говорилось, где на его компьютере хранятся предсмертные записки к каждому из их детей, равно как и сведения о его страховом полисе, выплата по которому, как он удостоверился, будет произведена даже в случае самоубийства. На кругленькую сумму в десять миллионов долларов.

Ему вспомнилось предупреждение доктора Сильверман. Эти препараты могут зародить в мозгу иллюзию о том, что есть только один выход.

Но это была не иллюзия. Все началось, когда у него в ухе раздался шепот. Голос рассудка, закравшийся в подсознание: «Без тебя им будет только лучше». Он делал это ради них, чтобы оградить от финансового краха. Чтобы избавить от необходимости жить со сломленным человеком. Вот что ему без конца внушал тот голос. Хотя глубоко в душе он понимал, что все это совсем не ради них.

А ради него самого.

Чтобы перекрыть кран хлещущего фонтаном отчаяния.

Эван высыпал в руку горсть таблеток, швырнул в рот и запил виски. Он проглотил их с таким трудом, что ему пришлось подавить рвотный позыв.

Потом налил себе еще стакан, быстро выпил и стал ждать, когда подействует лекарство.

Эван не был набожен, но ему нравилась сама идея организованной религии – с упором именно на ее организованность. Как финансист он ценил слаженность и порядок. Кроме того, его привлекали религиозные обряды и традиции, призванные сделать человека лучше. Живя в Небраске, они по настоянию Лив каждое воскресенье отправлялись в церковь. В свое время, когда его жене было десять, вера помогла ей справиться со смертью матери. А после ареста Дэнни и их переезда в Нейпервилл, штат Иллинойс, ему попросту не доставало на все это терпения.

Тем не менее, ожидая действия лекарства, он все же произнес: «Прости меня, Господи. Ради всего святого, прости. И позаботься о них».

И в этот момент, будто в ответ на его мольбу, раздался телефонный звонок. Но это был непривычный рингтон.

Эван посмотрел на экран. Звонили по FaceTime. Обычно этим сервисом он не пользовался и номер узнать не мог. Хотел было его проигнорировать, но, если это божественное вмешательство, лучше уж ответить.

Он провел пальцем по экрану, но ничего не увидел. В этот же момент до него донеслась музыка и гомон толпы, будто из ночного клуба или бара. В небольшом окошке в правом верхнем углу экрана маячило его собственное лицо. Прямо как в том документальном фильме. Изображение качнулось в сторону, и на экране появилось женское лицо. На него падала тень, но Эван каким-то образом разглядел на нем страх. Женщина быстро шагала, то и дело наталкиваясь на людей, из крохотных динамиков доносилось ее прерывистое дыхание и приглушенная музыка. Наконец она остановилась под приглушенным источником света.

Вместе с ней в груди остановилось и сердце Эвана. Он не мог сделать вдох. Не мог думать. Лишь потянулся вперед, приблизив к экрану лицо.

Девушка что-то произнесла в камеру, но слов ему разобрать не удалось. Электрический разряд пробежал по каждому нерву его тела из-за ее лица – рыжеватая блондинка с веснушками и небольшим шрамом на лбу. Эван сжал кулаки и протер глаза. Нет, этого не может быть.

Потом нащупал кнопку и добавил громкости.

Девушка на экране повторила свою фразу, на этот раз вполне отчетливо.

– Помогите.

В этот момент ее схватила за волосы чья-то рука, телефон резко дернулся в сторону, и все пропало.

Эван несколько раз моргнул, пытаясь осознать произошедшее. Подбежал к раковине, сунул в рот два пальца, и его стошнило. Коричневая жидкость и капсулы лекарства, так и не успевшие раствориться.

У него подкосились ноги, голову заволокло туманом. Он не мог сказать из-за чего – от потрясения или того, что некоторые таблетки уже успели проникнуть в кровь. Ему нельзя было отключаться. Сначала он должен понять, что только что видел.

Схватив свой айфон, Эван прогуглил номер. Вызывающим абонентом оказался «Moloko Bar», расположенный в мексиканском Тулуме. Он нажал на кнопку вызова. На экране отразилось его собственное лицо, но звонок остался без ответа.

«Ответь, – думал Эван. – Прошу тебя, ответь мне, Шарлотта».

Глава 9

МЭТТ ПАЙН

Мэтт пытался уснуть, но в его голове лихорадочно пробегали мысли. Довершали дело диванные пружины Ганеша. Уставившись в растрескавшийся потолок квартиры, Мэтт вслушивался в звуки Нью-Йорка. Кошачий вой (ему показалось, что это кошка), вой сирены вдалеке, грохот мусоровозов. Он никак не мог разобраться в своих ощущениях. Его одолевала не просто тоска – смесь из чувства вины, скорби и угрызений совести, – но и нечто более знакомое: глубокое, нерушимое одиночество, ставшее после ареста брата его постоянным спутником.

Все началось тем летом, когда они перебрались из Небраски в Иллинойс, вынужденные бежать из родного города. На свете нет ничего, что обостряло бы в душе ребенка чувство одиночества больше, чем летний переезд. Трудно найти друзей. Школа закрыта, а соседские дети разъехались либо с родителями, либо в лагерь или пошли работать.

Спасением для Мэтта стало кино. Первую половину лета он провел за просмотром картин Скорсезе, Хичкока, Кубрика, Копполы и Нолана. Тревожась за него, мама без конца упрашивала его куда-нибудь сходить и подышать свежим воздухом. Укладывая Томми спать, она вытаскивала Мэтта из комнаты. Они усаживались за какую-нибудь настольную игру или же болтали, делая вид, будто все нормально. Один из коллег на новой работе отца, состоявший в местном гольф-клубе, на вторую половину лета устроил его подносить игрокам клюшки и мячи.

Мэтту эта работа нравилась. Там он повстречал Чеда, менеджера клуба. Бывший профессиональный игрок в гольф, в жизни он выезжал на собственной улыбке (и трастовом фонде). Большую часть времени ребята, подносявшие клюшки, торчали в отведенном им домике, пережидая дождь или периоды затишья на поле. Они слушали, как Чед пичкал их своей мудростью, и наблюдали за его флиртом с Анджелой, пышногрудой студенткой колледжа, рассекавшей на гольф-мобиле и продававшей пиво из холодильника.

Чед без конца давал Мэтту и другим мальчишкам советы. Как приводить домой девчонок («Надо воткнуть в розетку у двери освежитель воздуха «Глейд»; тогда они подумают, что в квартире и в самом деле чисто»). О членах клуба («Подлизываться к ним не стоит, они все дают стандартные чаевые. За исключением тех случаев, когда им хочется произвести впечатление на какую-нибудь девицу или партнера по бизнесу»). О высшем образовании («Колледж – это фабрика по производству зомби для политкорректных идиотов; поступать туда можно разве что ради цыпочек»). И о жизни («Папаша у меня был генеральный директор при деньгах, с кабинетом, увешанным всевозможными дипломами, но, когда помер, на него всем оказалось плевать»). Мэтт стал ловить себя на мысли, что ему не терпится быстрее вскочить с постели и заступить на смену. Не из любви к игре, потому как таскать по чикагской жаре сумки с клюшками дело весьма нелегкое, а из-за принадлежности к команде.

Потом одним прекрасным утром менеджеру гольф-клуба рассказали, что брат Мэтта сидит в тюрьме. За убийство. И Чед попросил парня сдать фирменную кепку и жилет. Мэтт больше его никогда не видел, но полагал, что тот работает на прежнем месте, занимается любимым делом, ухлестывает за девчонками на гольф-мобилях и раздает советы унылым четырнадцатилеткам.

Со временем одиночество Мэтта вылилось в сплав обиды со злобой, он стал ввязываться в драки. Именно драка на школьном дворе после ареста брата заставила их семью перебраться в Иллинойс, что постоянно терзало его душу. Начиная со старших классов, Мэтт скрывал ото всех бушующую в нем злость. Или почти ото всех. Вернувшись после зимних каникул и жуткой ссоры с отцом, он отправился на очередную вечеринку, где какой-то козел из студенческого братства совершил ошибку, сказав какую-то мерзость про Джейн. Мэтт разукрасил ему физиономию в кровь, а Джейн в слезах велела ему прекратить и оттащила в сторону.

Он сел и включил телевизор. В половине пятого утра по всем каналам шла только реклама и вопросы от юристов: «Вы пострадали в результате несчастного случая?»

Когда его все это достало, парень решил выйти на небольшую пробежку. Физические упражнения всегда помогали ему сосредоточиться, замедляли ход мыслей, сжигали нервную энергию и позволяли сдерживать злость. К тому же в такую рань это помогло бы ему проскользнуть в кампус до того, как на утреннюю смену заступят папараци.

Мэтт прошел в комнату Ганеша. Если позаимствовать у него какую-нибудь одежду, тот возражать не будет. Из забитого хламом комода он выудил мятую футболку «Андер Армор» и шорты. Ганеш был довольно крупный – на первом курсе он набрал тридцать фунтов от разжигающей аппетит травки – поэтому на Мэтте эти шмотки висели как на вешалке. Видеться с кем-либо в его планы не входило, поэтому он решил, что и так сойдет.

По грязной лестнице Мэтт спустился на первый этаж и побежал по Седьмой улице в свете фонарей. Тучи рассеялись, и в воздухе стоял запах свежести.

Добравшись до Купер-сквер, Мэтт прибавил скорости и направился по растрескавшимся тротуарам, пересекая улицы с оранжевыми конусами, обозначающими места проведения нескончаемых дорожных работ. Когда перед

ним замаячила арка парка Вашингтон-сквер, он был весь в поту, но его мысли немного прояснились. В голове постепенно созрел план.

В поездке он решил воспользоваться банковской картой, полученной от родителей на всякий случай. Как когда-то пошутила мама: не на случай пиццы, а для действительно непредвиденных обстоятельств. Келлер сказала, властям требуется лишь его подпись, и тогда близких можно будет забрать домой. Чтобы обсудить все формальности, он свяжется с тетей Синди – у нее всегда есть на все свое мнение. Звонить ей пришлось бы так и так, чтобы узнать, как они там с бабушкой. По возвращении из Мексики Мэтту придется разбираться с домом, машинами, финансами, братом, учебой.

На него опять навалился стресс.

На бегу ему в уши закрался отцовский голос. Пока их не разделили постоянные трения, папа то и дело вел с Мэттом подбадривающие беседы. «Как съесть слона?» – говорил он. Потом брал сына за подбородок, смотрел ему в глаза и сам же отвечал на вопрос: «Откусывая по маленькому кусочку».

В юном возрасте разбегавшиеся мысли Мэтта не могли уловить скрытый посыл в словах отца. «А кому придет в голову есть слона? Как его готовить? Да и потом, разве слоны не принадлежат к исчезающим видам?»

Папа улыбался и ерошил сыну волосы. «Откусывая по маленькому кусочку, Мэтти».

Парень побежал через парк. В его темной части, которую студенты старались обходить стороной, у кустов жались какие-то фигуры. В такое время там можно было почувствовать себя героем фильма «28 дней спустя»[10 – «28 дней спустя» – английский хоррор 2002 года выпуска про эпидемию и зомби.], убегающим от шатающихся наркош или зомби. Столы для шахмат остались позади. Мэтт мысленно вернулся к их последней игре с Регги. Мимолетную радость от победы у него отняли так же, как и все остальное.

Периферийным зрением он засек силуэт. Высокий парень в бейсболке. Вполне возможно, какой-нибудь женатик, отправившийся на поиски однополый связи на одну ночь. Еще одна очаровательная черта парка в темное время суток.

Мэтт бежал до тех пор, пока впереди, в вестибюле башни кампуса, не замаячил свет. На пешеходном переходе он остановился, перевел дух, огляделся и не увидел ни фургонов новостных каналов, ни фотографов. По просыпающемуся городу плотным потоком неслись машины.

– Огоньку не найдется? – донесся из-за спины голос.

Повернувшись, Мэтт увидел перед собой парня в надвинутой на лоб бейсболке, скрывавшей половину его лица. От ноздри до уголка рта тянулся шрам, как от заячьей губы. В руке зажата сигарета.

– Извините, нет, – ответил Мэтт тем решительным тоном, который подразумевал «отвали!» и требовался в разговоре с более агрессивными обитателями парка.

Потом повернулся обратно к проносящимся мимо машинам и стал ждать зеленого сигнала светофора.

В этот момент он почувствовал толчок в спину и полетел головой вперед на дорогу.

Глава 10

Мэтт тяжело грохнулся на асфальт, а ногу прострелила жгучая боль. Но это чувство приглушил страх, охвативший его при виде ослепительных, стремительно надвигавшихся на него фар. Парень застыл всем телом, приготовившись к удару. Машина резко вильнула в сторону, завизжали тормоза, и она остановилась. В глазах замелькали звезды, однако Мэтт почувствовал, как его подхватывают чьи-то руки, охлопывают сверху вниз и лезут в карман шорт. Он взбрыкнул, отбиваясь от размытого силуэта, но когда зрение прояснилось, того уже и след простыл. Распахнулась дверца чудом не сбившего его такси, и водитель бросился к Мэтту.

– Глупый мальчишка!! – крикнул таксист. – Я же мог тебя убить.

Мэтт извинился, хоть и непонятно за что, учитывая, что это его толкнули под машину. И ограбили прямо на глазах у этого мужика, хотя нападавший выбрал жертву хуже некуда – студента колледжа в позаимствованной одежде, без кошелька, денег и телефона. Мэтт завертел головой, выискивая парня в бейсболке. Но увидел упитанного типа, который быстро подошел к нему и подал руку.

Мэтт вскочил на ноги, и они вместе перешли на тротуар. После падения у парня сильно болел бок. Он увидел, как таксист уселся обратно в машину под недовольные автомобильные гудки.

Повернувшись поблагодарить человека, который помог ему встать, Мэтт оказался под чередой фотовспышек.

– Вы в своем уме?! – воскликнул он, увидев папарацци.

– Вы же сами сказали, что с вами все в порядке, – ответил тот, будто это давало ему право вторгаться в личное пространство Мэтта.

– Вы видели, кто меня толкнул?

– Толкнул? – с издевкой повторил папарацци, будто его фотографии только что резко взлетели в цене. – Я просто шел сюда и ничего не заметил, пока не услышал шум. Подумал, вы просто споткнулись.

Оглядев улицу, он добавил:

– Вы же Мэтт Пайн, так?

Парень ничего не ответил и направился к вестибюлю башни студенческого кампуса.

– Вас кто-то толкнул? – продолжал тип, не отставая от него ни на шаг. – Но кому это могло понадобиться?

Мэтт даже не думал останавливаться. Боль от удара об асфальт все усиливалась.

– Как вы себя чувствуете? Мексиканцы рассказали, что случилось с вашей семьей? Вам удалось поговорить с братом? Как, по-вашему, это поможет Дэнни добиться помилования? – спрашивал мужчина, одновременно щелкая затвором камеры.

Мэтт сторал от желания послать его подальше. А еще лучше – заехать кулаком по физиономии. Но он успел доковылять до входа в кампус и нажать красную кнопку домофона. Наконец появился охранник, зажужжал замок и впустил его внутрь.

Обычно охранники не проявляли особого дружелюбия и отправляли всех в студенческий центр за новым пропуском. Но этот явно был в курсе событий и лишь похлопал парня по плечу.

– Пойдем-ка в твою комнату, Мэтт, – он без лишних слов поднялся с ним на десятый этаж и открыл дверь.

В комнате его ждала Джейн – с безумными глазами и непривычно растрепанная. Когда она обняла его, Мэтт заметил, что в гостиную битком набились его друзья. Вся их компания – они дружили еще с первого курса – устроилась на икеевском диване, в креслах-мешках или на полу. В мусорной корзине в углу громоздились скопившиеся за ночь винные и пивные бутылки.

Мэтт где-то читал, что друзей лучше тех, которых заводишь на первом курсе, в жизни нет, и считал это правдой. Они все жили в «Рубин-Холле», который прозвали «общагой для бедняков». Когда-то он был отелем, но в 1970-х годах его перестроили. Он прославился своей запущенностью и полным отсутствием кондиционеров. О «Рубине» вспоминали только тогда, когда не было другого выхода. В плане размещения он обходился дешевле всего, и университет селил там студентов, живших на стипендию. Поскольку всю неделю в самом начале первого курса стояла адская жара, Мэтт вместе с другими обитателями их этажа спал в общей гостиной, где был кондиционер. Именно там он встретил тех, кто стал ему в колледже семьей. Парень быстро обвел взглядом комнату.

Кейла оставалась красивой и роскошной несмотря на то, что всю ночь не сомкнула глаз. Тиш обучалась в школе искусств и проделала огромный путь. Тогда ее волосы были на несколько оттенков светлее, а в речи слишком пробивалась манерная медлительность, характерная для обитателей трейлеров. Они быстро подружились – что впоследствии вызывало недовольство Джейн – отчасти из-за любви к старым фильмам и телешоу, а отчасти благодаря тому, что Мэтт никогда не осуждал ее деревенское оклахомское происхождение. В конце концов, его семья тоже была из маленького городка в Небраске.

Когда прогремел документальный фильм и все узнали, что его брат сидит в тюрьме, первой к нему подошла именно Кейла. Подошла и призналась, что ее

отец тоже мотает срок. За что именно, не сказала, но, когда они сблизилась сильнее, призналась – за насилие над ее матерью. И Мэтт почувствовал: на одной лишь матери его насилие не остановилось.

Кейла обняла его и долго прижимала к себе.

– Ты всегда был рядом со мной... Теперь рядом с тобой буду я. Я люблю тебя, – прошептала она ему на ухо.

Он почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

Был там и Ву-джин – с огромным ростом его было трудно не заметить. Он наклонился вперед и неловко обнял Мэтта. Ву-джин приехал из Южной Кореи, играл в баскетбол и получал за это стипендию. Спокойный парень, очень стеснявшийся своего ярко выраженного акцента. Когда ему не давались какие-то предметы, Мэтт неизменно ему помогал.

Потом он увидел Софию в армейской куртке, так хорошо сочетавшейся с ее воинственной натурой. Для нее не бывало пустяковых дел. На первом курсе она влюблялась не меньше шести раз, и после разрыва с очередным парнем Мэтт утешал ее. Поэтому неудивительно, что произошедшее сразило Софию больше остальных. Тушь потекла от слез, придав ей сходство с енотом, а длинные золотисто-каштановые волосы спутались и торчали в разные стороны. Она тоже его обняла, сотрясаясь всем телом, и Мэтт тоже задрожал.

Затем подошла очередь Кертиса, самого авторитетного парня в их группе. В девять лет он выиграл Национальный конкурс правописания, став вторым черным парнем, одержавшим победу в этом конкурсе, и первым учащимся в отвратной системе бесплатных школ штата Миссисипи. По результатам выпускных экзаменов он набрал чуть ли не высший балл, после чего его наперебой бросились приглашать все учебные заведения «Лиги Плюща». А в университет Нью-Йорка Кертис поступил не из академических соображений, а потому, что только здесь поблизости располагался приход его крохотной и таинственной религиозной секты. Каждый вечер после занятий он отправлялся туда на службу. Кертис никогда не пил, не употреблял наркоту, не ругался и избегал даже кофеина. Нравы, царящие в университете, давались ему с трудом. Засиживаясь допоздна, они с Мэттом рассуждали о религии, Кертис рассказывал, как борется с соблазнами, а Мэтт не раз говорил, что тот должен продолжать верить.

– Я молюсь за тебя, друг мой, – произнес Кертис, заключая его в объятия.

– Я знаю, – срывающимся голосом ответил Мэтт, – сейчас, думаю, мне это действительно необходимо.

Не было одного только Ганеша, величайшего индивидуалиста их группы, который хоть и любил людей, но в присущей ему противоречивой манере не подпускал их к себе близко.

Мэтт смотрел на самых близких людей. Объективно все выглядели привлекательно. Он вполне мог представить их в каком-нибудь ремейке «Фелисити»[11 – «Фелисити» – американская телевизионная подростковая драма, выходившая на телеэкранах с 1998 по 2002 год.] (аналогия, понятная одной только Кейле) в роли симпатичных нью-йоркских студентов, бросивших

вызов миру. Но, как часто бывает в жизни, у каждого была своя сложная история. Ганеш именовал их компанию «Островом потерянных игрушек». София его за это распекала, так как название было позаимствовано из мультика «Красноносый олененок Рудольф», который она по непонятным для Мэтта причинам считала гомофобным и расистским.

Наконец Мэтт обратился к друзьям:

– Спасибо, что пришли. Вы даже не представляете, как много это для меня значит.

Тут же заголосил хор голосов. «Мы здесь ради тебя!», «Если тебе что-то понадобится, обращайся!» и тому подобное.

– Если не возражаете, я бы хотел принять душ и немного отдохнуть...

Ребята завозились, собирая вещи. У двери каждый опять бросился его обнимать.

Джейн немного задержалась. Когда за остальными закрылась дверь, она сказала:

– Где ты был? Я переживала. Звонила куда только можно, но ты не отвечал, да и Ганеш мои сообщения игнорировал, и...

– Потом тебе все расскажу. Мне бы не помешало немного побыть одному.

Джейн сморщила личико:

– Мэтт, если бы... будь мне что-нибудь известно, я бы никогда...

– Знаю, не парься, все в порядке.

Он застыл у двери, давая понять, что ей лучше уйти. Выяснять отношения сейчас у него не было ни малейшего желания.

– Это была ошибка, – сказала она.

На лице Мэтта промелькнула улыбка.

– Вовсе нет.

– Давай поговорим.

Было ясно, что уходить она не собиралась. Вчера их расставание доставило ему немалую досаду, но после случившегося ситуация предстала перед ним в истинном свете. Им с Джейн никогда не суждено было быть вместе. Друзья по «Рубину» и без того поражались, как их отношения затянулись на целый год. Да что там говорить, Мэтт и сам этому удивлялся: ей потребовалось слишком много времени, чтобы понять, что он представлял собой гораздо более масштабный проект, чем ей могло показаться. К тому же под конец она наговорила ему обидных вещей. Что он безнадёжен. Что ему никогда ничего не достичь без умения сосредоточиваться. На учебе. На ней. Что ему надо проконсультироваться у специалиста, дабы научиться укрощать свой гнев на

отца. А заодно и на брата. Что после драки с тем козлом из братства она стала его бояться.

Хуже всего, что она во всем была права, хотя теперь это уже не имело значения.

– Мэтью, прошу тебя, давай поговорим.

Он направился в ванную и включил душ. Она пошла за ним и стала наблюдать, как парень стаскивает с себя до смешного мешковатую одежду Ганеша. Мэтт видел, как она дважды собиралась спросить, откуда у него такой прикид, но оба раза сдержалась. Ступив в кабинку, он подставил лицо потоку горячей воды, затем глянул на запотевшую дверь душевой и заметил, что силуэта девушки за ней больше нет.

Когда он вытерся и вернулся в комнату, Джейн сидела на кровати, опустив уголки губ.

– Так мы поговорим или нет? – спросила она, наблюдая, как он напяливает на себя джинсы и футболку.

– Даже не знаю, что тут сказать.

С этими словами он вытащил из-под кровати дорожную сумку и стал складывать в нее вещи. Потом обшарил комод, пытаясь отыскать папку для документов, когда-то сшитую его мамой. В ней хранилось все необходимое взрослому человеку – карточка социального страхования, паспорт, свидетельство о рождении. Туда же она положила и банковскую карту на случай непредвиденных обстоятельств. Когда Мэтт ее не обнаружил, то выдернул ящичек и вывалил все его содержимое на пол. Вот и она, небольшая, размером с письмо, и очень вместительная. Он взял ее с собой.

– Что ты... Куда ты собрался? – спросила его Джейн, когда он шагнул к двери.

– За моей семьей.

Глава 11

Мэтт выскочил из здания, пока Джейн кричала ему что-то вслед. Протиснулся через толпу фотографов и взял такси в аэропорт Ла-Гуардия. Затем устроился на заднем сиденье и застыл, глядя невидящим взглядом куда-то вдаль. Финальная сцена из «Майкла Клейтона» [12 – «Майкл Клейтон» – юридический триллер 2007 года с Джорджем Клуни в главной роли.]. Машина оглушительно завизжала тормозами и вильнула в сторону, объезжая подрезавший их автомобиль. Таксист выругался в окно.

До Мэтта вдруг дошло – разбейся они сейчас, на это всем было бы наплевать. Джейн устроила бы настоящее представление, показывая, как она убита горем, а ребята из «Рубин-Холла», конечно же, собрались бы вместе, рассказали пару историй и выпили за упокой души Мэтта Пайна. Но совсем скоро он

превратился бы в далекое воспоминание, а говорили бы о нем только в контексте неудач, семейных проклятий или известных трагедий. Одного Пайна несправедливо засадили за решетку, четверо других погибли в результате идиотского несчастного случая, уехав в отпуск, а еще один – как там его звали? – попал в аварию по пути в аэропорт, куда направлялся, чтобы забрать тела покойных родственников, и тоже умер. И все без конца повторяли бы: «Лови момент, если не хочешь, чтобы и тебя постигла судьба Пайнов».

«Нет, мой час еще не настал», – подумал Мэтт, когда такси остановилось у терминала аэропорта. Он направился к стойке регистрации, назвал сотруднику с суровым лицом код подтверждения брони, полученный от агента ФБР, и забрал билет. После чего нашел банкомат и облегченно вздохнул, когда после нескольких попыток все же вспомнил ПИН-код карты для экстренных случаев: 1010. Пароль, который его родители всегда устанавливали по умолчанию – 10 октября. Именно в этот день они познакомились в колледже. Его поглотила новая волна скорби. Сунув в карман пятьсот долларов, он подвергся всем пыткам путешествия на самолете – отстоять длинную очередь, снять обувь, доказать, что не везешь никакой жидкости, – и вскоре уже шагнул к выходу на посадку с дорожной сумкой на плече.

Устроившись в кресле, Мэтт долго смотрел на бетонированную площадку. В лучах утреннего солнца взлетали и садились лайнеры. В этой точке во времени сошлись тысячи и тысячи незнакомцев, пути которых больше никогда не пересекутся. Песчинки на пляже. Муравьи на холме. Нет, от этих нездоровых мыслей надо избавляться.

К половине десятого у выхода на посадку собралась целая толпа. Именно в этот момент Мэтта охватило чувство, что за ним наблюдают. Он внимательно огляделся – бизнесмены, без конца болтающие по мобильникам, студенты колледжей с дорожными подушками на шеях и прилично одетые путешественники, – однако никого подозрительного так и не заметил. Но в том, что за ним следят, ничуть не сомневался. Это чувство было ему хорошо знакомо.

Мэтт хоть и отказался от участия в том фильме, но не мог вырезать себя из семейных фотографий и старых выпусков новостей, которыми снабдили десять эпизодов, сопровождаемых навязчивой мелодией, перегруженной виолончелью и скрипкой. После выхода фильма на него то и дело бросали взгляды в духе «где-то я тебя видел». Настоящие сторонники Дэнни Пайна тут же проводили связь, и Мэтту приходилось отказываться от селфи с ними или отклонять объятия, ссылаясь на то, что он не тактильный. Помимо своей воли он стал частью национальной тайны, этакой «угадайки», в которой журналисты – а вместе с ними и диванные сыщики из Интернета – выдвигали замысловатые теории и тратили невероятное количество времени, пытаясь разобраться в этом деле.

Шоу задело всех за живое. Красивую молодую девушку изувечили самым жутким образом. Выдвинули ложное обвинение против парня, типичного американца. В самом уродливом свете выставили небольшой городок. А истинных подозреваемых, как водится, проглядели.

На одного из них – Бобби Рея Хейза – документалка указывала в особенности. Он отбывал срок за убийство нескольких молодых женщин, которых насиловал,

убивал, а потом раскраивал им камнями черепа. Журналисты, явно страдающие недостатком фантазии, окрестили его «Крушителем». В зависимости от происхождения клан Хейзов называли «белой швалью», «деревенщиной» или «чмом». После шоу им доставались эпитеты и похлеще. А самый младший их отпрыск – устрашающий Бобби Рей с акульими глазами – будто явился прямо с кастинга на роль зловещего маньяка-убийцы.

Мэтт засек типа, который усиленно делал вид, будто даже не собирается на него пялиться. Полное соответствие профилю. «Фанаты» Дэнни Пайна были люди состоятельные, не очень понимающие, что такое ложное обвинение, и даже не догадывающиеся, насколько часто это происходит с беднотой. Стоило им хоть пару минут поговорить с отцом Мэтта, как он все уши прожужжал бы о двух тысячах пятистах тридцати восьми осужденных, содержащихся в Государственном перечне восстановленных в правах, которые в общей сложности провели двадцать две тысячи пятьсот сорок лет в тюрьме за преступления, которых не совершали.

– Мэттью, – донесся сзади голос.

Та самая женщина, агент ФБР. Келлер.

– Здравствуйте, – поздоровался он.

– Я слышала, вам утром пришлось поволноваться.

Мэтт ничего не понял. О парне, толкнувшем его на улице, он никому не сообщал. А произошло это каких-то пару часов назад.

Женщина подняла телефон, на экране которого красовалась статья с какого-то новостного сайта. «Оставшийся в живых член семьи из “Природы насилия” подвергся нападению».

Мэтт застонал.

– Кроме того, очерк о вашей семье опубликован в нынешнем утреннем выпуске Times, – добавила она предупреждающим тоном. – Вы в порядке? Что там произошло? На вас и правда напали?

Мэтт рассказал ей о типе со шрамом от заячьей губы.

– Почему вы не позвонили мне? Или не сообщили в департамент полиции Нью-Йорка? А если это?..

– Да я в порядке, подумаешь, пару синяков получил. Я особо не разглядел этого парня, он у меня ничего не взял, так что и сообщать было не о чем.

Келлер от его ответа в восторг не пришла.

Вытащив из сумочки клочок бумаги, она сказала:

– Это имя сотрудника консульства, который встретит вас в аэропорту. Он хоть и знает, куда вас отвезти, я на всякий случай написала вам адрес полицейского участка и фамилию офицера, ведущего расследование.

Мэтт бросил взгляд на листок, сложил его и сунул в карман, где уже лежал паспорт.

– Будем надеяться, все это исключительно для проформы, – сказала Келлер. – Подпишите бумаги, и они выдадут тел... словом, позволят вам забрать семью. Консульство поможет оформить документы для их отправки домой.

Мэтт кивнул.

Келлер протянула ему экземпляр Times. Он бросил взгляд на первую полосу. От фотографии его будто ударили под дых – селфи его родных, дурачившихся на фоне вывески аэропорта Канкуна. Где журналюги Times, черт бы их побрал, раздобыли этот снимок? Тут до него дошло: мама, по всей видимости, разместила его на своей страничке на Фейсбуке[13 – 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.]. Там она усиленно делала вид, что в их семье все хорошо. Под фотографией шла подпись: ЭВАН ПАЙН (51), ОЛИВИЯ ПАЙН (51), МАРГАРЕТ ПАЙН (17), ТОМАС ПАЙН (6).

Еще ниже шли два отдельных снимка с изображениями оставшихся в живых братьев: фотка, которую Мэтт сделал прошлым летом и разместил на том же Фейсбуке; тюремное фото Дэнни.

– Не хочу это читать.

– А я вас и не прошу, – ответила Келлер. – Дело в том, что местные полицейские плохо идут на контакт. Так что, если понадобится лишнее доказательство того, что это ваша семья, снимок может помочь. А заодно и напомнит им, что мир внимательно следит за тем, как они разбираются с этим делом.

Откуда-то сверху донесся искаженный динамиками голос. Разобрать слова было трудно, но пассажиры выстроились в очередь на посадку.

– Ладно... – произнес он. – Кажется, мне пора.

– С этим вам, пожалуй, будет легче, – Келлер протянула Мэтту его бумажник и смартфон.

– Спасибо.

– Вы даже не представляете, каких трудов нам это стоило. Тот вышибала устроил целый бизнес по продаже телефонов. А денег в бумажнике не оказалось.

Их там и не было.

Мэтт посмотрел на экран айфона, растрескавшийся после того, как он сто раз его ронял. Телефон был полностью заряжен – наверняка благодаря Келлер. На обои Джейн поставила собственную фотку, на которой выглядела особенно потрясно.

– Нашли там что-нибудь полезное?

– А мы и не искали. У нас не было вашего пароля. И разрешения тоже, – Келлер прямо посмотрела на него. – Вы не против?

Ткнув большим пальцем в сенсор, Мэтт разблокировал смартфон, сделал глубокий вдох и перешел к сообщениям. Их накопилась не одна сотня. Многие с незнакомых номеров и несколько десятков от друзей. От отца ничего не было. Одно пришло от матери, которая говорила, что любит его и они сели в самолет. Она так делала каждый раз, когда куда-то летела. Роковая предусмотрительность на тот случай, если самолет вдруг рухнет вниз.

Вдруг его взгляд привлекло еще одно сообщение. Непрочитанное. От Мэгги.

Фрагмент шоу

«Природа насилия»

Сезон 1/Эпизод 4

«Холмс и Ватсон»

ДОМА У СЕМЕЙСТВА ПАЙН – РАБОЧИЙ КАБИНЕТ

За громоздким столом сидит двенадцатилетняя МЭГГИ ПАЙН. Комната забита коробками с архивами документов и горами бумаг. На фоне импровизированная схема преступления, составленная из красных линий, протянутых между фотографиями, вырезками из газет и прочими уликами, прикрепленными к доске кнопками. На девочке футболка с изображением лошади, на зубах – брекеты.

МЭГГИ

Мой брат Мэтт обожает кино и смотрит фильмы целыми пачками. Поэтому как-то вечером, когда ко мне в гости с ночевкой пришла лучшая подруга, мы решили за ним последить. Я увидела кусочек фильма – не помню, как он называется, но там было что-то про юристов, которые спасли все, покопавшись в папках в кабинете какого-то прокурора. И тогда мне в голову пришла мысль.

Далее идет крупный план рук Мэгги в тот момент, когда она роется в папках и извлекает из них ворох бумаг. От этой находки девочка лучится гордостью.

МЭГГИ

В итоге, когда мы вернулись обратно в Небраску, чтобы навестить дедушку, я пошла к окружному прокурору, сказала ей, что готовлю для школы проект – ничуть не солгав, потому как мне разрешила так поступить миссис Мелхуз, – получила разрешение покопаться в старых делах и обнаружила вот это.

СТУДИЯ

ЭВАН ПАЙН сидит на табуретке, позади него – черный фон.

ЭВАН

Мэгги принесла мне копии материалов нескольких полицейских допросов. В одном из них говорилось о подозрительном мужчине, присутствовавшем на той самой вечеринке, где в последний раз видели Шарлотту живой. В другом была информация от анонима, который позвонил в полицию и сказал, что убийство Шарлотты очень похоже на два других, совершенных в Канзасе. Уже после того, как Дэнни отправили за решетку, в Канзасе, Небраске и Миссури аналогичным образом были убиты еще несколько девушек: каждой из них тоже разmozжили голову большим камнем.

ВСТАВКА – ГАЗЕТНЫЙ ЗАГОЛОВОК

«Прорыв в деле “Крушителя”: в Плейнвилле по обвинению в совершении серии жестоких убийств произведен арест».

ЭВАН

Обвинение эту информацию проигнорировало. Присмотрись мы тогда внимательнее к «Крушителю», вполне вероятно, сейчас нас здесь просто бы не было. Отказ предоставить адвокату Дэнни эти сведения шел вразрез с законом, ведь при их рассмотрении могли отыскаться улики, доказывающие его невиновность. В результате у нас появилась первая возможность повторно обжаловать приговор.

ДОМА У СЕМЕЙСТВА ПАЙН – РАБОЧИЙ КАБИНЕТ

Эван и Мэгги сидят вместе за столом и изучают досье.

ЭВАН (Закадровый голос)

С тех пор мы с Мэгпай и работаем. Холмс и Ватсон, хотя кто из нас кто, я точно сказать не могу.

Глава 12

МЭГГИ ПАЙН

До этого

– Твой парень уже здесь, – произнесла Харпер, играя бровями.

Мэгги и сама уже увидела Эрика на пороге кабинета внеклассных занятий и закатила глаза.

– Может, хватит уже, а?

– Нет, серьезно, он же втрескался в тебя по уши. Приходит сюда по тем же дням, что и ты. Типа, буквально почти сталкерит тебя.

Как и большинство представителей их поколения, Харпер злоупотребляла словечком «типа», а также к месту и не к месту вставляла «буквально». Мэгги оглядела кабинет: спортсмены, пытавшиеся подтянуть отметки до «удовлетворительно», чтобы выйти на поле; торчки, у которых было только два пути – либо сюда, либо идти на отработку; и ботаны, взявшие над всеми ними шефство. Исключение составляла разве что Харпер, которая хоть и относилась к ботанам, но выглядела круто и сексуально. Эрик с важным видом прошествовал по комнате к столу регистрации – именно прошествовал, – по дороге давая другим ребятам «пять».

Затем остановился перед ними, схватил ручку, расписался в журнале, улыбнулся и спросил Мэгги:

– Поможешь мне с алгеброй?

Почувствовав на себе косой взгляд Харпер, та залилась краской.

– Ну конечно.

Эрик еще раз улыбнулся, бросил взгляд на пустой стол в углу и махнул Мэгги рукой, предлагая последовать за ним.

Девушка прилагала все усилия, чтобы не поддаться на его чары. Эрик был в их школе царственной особой, буквально, как сказала бы Харпер, на этот раз уместно употребив данное словечко. Ни дать ни взять король, возвращающийся домой после долгого отсутствия. Старший брат Мэгги Мэтт наверняка назвал бы Эрика персонажем фильмов Джона Хьюза [14 – Джон Хьюз (1950–2009) –

американский кинорежиссер, сценарист и продюсер. Среди его наиболее известных картин «Клуб "Завтрак"», три фильма из серии «Один дома», «101 далматинец» и «Бетховен».] 80-х годов. Ей пришлось признать, Эрик – парень восхитительный. Восхитительный – какое старомодное слово. Еще чуть-чуть, и она заговорит как мама.

Мэгги села рядом с Эриком, который плюхнул на стол учебник и открыл его.

– Мне никак не даются рациональные выражения.

Девушка постаралась скрыть свое удивление.

– Да знаю я, знаю, это проходят еще в пятом классе.

Его лицо вспыхнуло, будто ему и правда было стыдно. Он выглядел восхитительно, даже когда смущался. Как же несправедлив мир.

– Да нет, рациональные выражения действительно очень трудные, – солгала она, – а толку с них ноль. Как они вообще могут пригодиться в жизни?

– Да? Но я могу поспорить на что угодно, что ты будешь поступать в Массачусетский технологический.

У Мэгги сильнее забилося сердце: он знал, какой она выбрала колледж.

Она придвинулась к нему чуть ближе и следующие полчаса старалась держаться профессионально. От Эрика пахло дешевым одеколоном и мужественностью. Но мысли ей лучше было держать под контролем. От парней наподобие Эрика Хатчинсона стоило держаться подальше – таких девушек, как она, обычно не ценили. Мама сказала, когда-нибудь они изменят свое мнение – просто мужской ум несколько запаздывает в развитии.

– Классная у тебя майка, – заметил он.

Мэгги опустила глаза на винтажную футболку с принтом группы «AC/DC», одной из тех, которые больше всего любил папа.

– Тебе ведь известно, что отстающих мы подтягиваем добровольно, так? Поэтому скатываться до лести совсем не обязательно.

– А я и не скатываюсь. Она и в самом деле классная.

– Ладно уж, давай-ка лучше сосредоточься... – улыбнулась она.

И они вернулись к уравнениям. Вскоре Эрик спросил:

– Как продвигается дело твоего брата?

По сравнению с тем, что он знал, куда она собиралась поступать, этот вопрос удивил ее гораздо меньше. В документальном фильме Мэгги выступила главным действующим лицом. Преданная дочь и сестра, помогающая идти по верному следу. В школе это на какое-то время превратило ее в знаменитость, но это было скорее из жалости. Некоторые тролли в Интернете предполагали,

что, повзрослев – на момент съемок ей было всего двенадцать, – она станет такой же красоткой, как и ее мама. Ну или как «горячие» братья.

Фу! Об остальном никто, похоже, не беспокоился. А она, как лицемерка, сидела и виляла хвостом перед красавчиком Эриком.

– Мы столкнулись с определенными трудностями, но совсем недавно мне прислали потрясную информацию, – ответила Мэгги.

Сказать, что это «трудности», – ничего не сказать. Верховный суд США представлял собой не трудность, а конечную точку маршрута. Однако Эрика хитросплетения правовой системы вряд ли интересовали. Или, может, она его недооценивала?

– Информацию? Типа свидетельских показаний или чего-то в этом роде?

– Ну да, хочешь посмотреть?

Когда он согласно кивнул, она достала телефон.

– Я освещаю ход этого дела в соцсетях. Вокруг нас крутится целая куча троллей и всяких чудиков с придурью в голове, но немало и таких, у которых с мозгами полный порядок. И время от времени мы получаем те или иные полезные сведения. – Мэгги тыкала по экрану. – Обычно это ерунда, но потом нам прислали это.

На экране задержался ролик, снятый на мобильный телефон. Первые две секунды мелькали размытые тела, фоном ревели музыка.

– Что это? – спросил Эрик, подаваясь вперед.

– Та самая вечеринка, – она полагала, что Эрик, как и все остальные, после документалки в общих чертах был в курсе дела.

В ночь убийства Шарлотты, подружки ее брата, та была на вечеринке у друзей. Туда же пришел и Дэнни, как и большинство учащихся выпускного класса. На гулянку заявила с рейдом местная полиция, и в воцарившемся хаосе Дэнни оказался в одном месте, а Шарлотта совсем в другом. Свидетели утверждали, что он, едва ворочая от алкоголя языком, после набега копов заявился на афтепати на кукурузное поле. Шарлотту же живой больше никто не видел.

– Это может быть он, Н.У., – сказала Мэгги, тыча пальцем в экран.

– Под этим «Н.У.» ты имеешь в виду неустановленного участника вечеринки?

Документальный фильм он точно смотрел. Этот «Неустановленный участник» стал настоящей знаменитостью – мемы на Фейсбуке, обсуждение в вечерних ток-шоу, даже футболки. Все внимание режиссеры сосредоточили на том факте, что полиция установила личности всех участников вечеринки за исключением одного-единственного человека. Того самого, которого авторы фильма предложили на роль настоящего убийцы. И который, по мнению многих, был не кто иной, как урод по имени Бобби Рэй Хейз, он же Крушитель. Мэгги замедлила скорость воспроизведения ролика.

Эрик все смотрел и смотрел, словно зачарованный.

– Запись датирована тем самым днем. Хотя мобильники тогда были еще не такие продвинутые, как сейчас, это можно утверждать точно.

Мэгги показала пальцем и сказала:

– Вот Дэнни.

Ее брат на крохотном экранчике захохотал и опрокинул в рот содержимое красного одноразового пластикового стаканчика. На нем была майка, открывающая накачанные бицепсы. Он выглядел своим среди парней в школьных спортивных куртках. Перед тем как изображение почернело, на нем размытым силуэтом промелькнуло лицо.

– Вот, – Мэгги нажала на паузу.

– Думаешь, это он? – спросил Эрик. – Типа, тот самый неустановленный участник?

– Не знаю. Но в таком случае у нас возникает больше вопросов, чем ответов, по той простой причине, что это не Бобби Рэй Хейз.

Отец никогда не верил в рассказы о Хейзе. И что бы ни утверждали режиссеры, фрагменты пазла не складывались идеально.

– Офигеть. И кто тебе это прислал?

– Некий аноним.

– А что говорят копы?

Мэгги устало вздохнула. Полицейские плевали на это с высокой колокольни, особенно детективы из Небраски, которым поручили расследование. По их мнению, дело Дэнни Пайна не принесло им ровным счетом ничего, кроме публичных насмешек и даже угроз расправы. После выхода документалки один из допрашивавших Дэнни копов покончил с собой.

– На мой звонок они даже не ответили. Как обычно. Говорят, дело закрыто.

– Но это ведь... – Эрик запнулся, подыскивая нужное слово. – Чушь собачья.

Мэгги улыбнулась. Он ей нравился.

– Слушай, – произнес он, – сегодня вечером мы с ребятами собираемся дома у Флагерти.

Майк Флагерти. Еще одна царственная особа среди старших классов.

– В смысле, на вечеринку? – уточнила Мэгги.

– Не совсем. Хотя да, типа того. Может, ты тоже к нам заглянешь? Это ведь последняя тусовка перед весенними каникулами.

В доме Пайн после случившегося с Шарлоттой мало что считалось страшнее вечеринки дома у школьных друзей. Мэгги точно сказать не могла, по какой причине: то ли оттого, что их считал серьезной угрозой папа, то ли просто из-за воспоминаний, которые они воскрешали в памяти.

– Может быть, – сказала она, сама удивившись фразе, слетевшей с языка.

В кабинете прозвенел звонок.

– Может быть, – повторил он, растягивая слова и явно с ней заигрывая. – Если придешь, можно будет опять позаниматься алгеброй.

– В самом деле? Ты на вечеринках паришься о математике?

– Ты же не хочешь, чтобы я провалился? Стипендии мне в этом случае не видать как собственных ушей, – настаивал Эрик.

До нее дошел слух, что его зачислили в Мичиганский университет со стипендией как игрока в лакросс. Хотя для студентов, в своих оценках не поднимающихся выше «удовлетворительно», это высшее учебное заведение обычно недоступно: еще одно доказательство того, что в жизни много несправедливости.

– Может быть, – еще раз повторила она, чувствуя, как в животе запорхали бабочки.

– Я пришлю тебе эсэмэс с адресом, – Эрик схватил книгу и той же царственной поступью вышел.

И почему они все расхаживают как павлины?

Мэгги вернулась к Харпер закончить дела с журналом и запереть кабинет.

– Ну как? – поинтересовалась подруга.

– В смысле?

Харпер бросила на нее взгляд.

– Он пригласил меня на тусовку.

– Домой к Флагерти? – Девушка от удивления разинула рот. Ее саму туда, само собой, позвали. Они – две молодые, начитанные девушки – были лучшими подругами, однако в душе Харпер скрывалась какая-то дикость, благодаря которой она плавно кочевала между разными компаниями. Сегодня она могла отправиться к Мэгги, поесть пиццы и посмотреть киношку, завтра пойти в поход с клубом любителей природы, а послезавтра – на невероятную тусовку со школьными спортсменами.

– Ну да. Но он сказал, что это будет не столько вечеринка, сколько общее сборище.

Харпер покачала головой, словно считая Мэгги слишком наивной.

– Ну а ты что?

– Даже не знаю. Тебе не хуже меня известно, как мой отец относится к тусовкам.

– Мэгз, мы скоро закончим школу, а ты еще ни разу не была на вечеринке. Ни разу не пила. А о сексе я вообще молчу. Неужели тебе в самом деле хочется отправиться в колледж в таком... ну, типа, жалком виде?

Мэгги стукнула подругу кипой бумаг.

– Ну давай, ну пошли, – сказала Харпер.

– Мне надо подумать.

– А че тут думать-то? Ты все равно идешь ко мне с ночевкой, так что отпрашиваться у папаши тебе не надо. А если тусовка окажется отстойной, попросту оттуда свалим.

Мэгги хотелось пойти. Хотелось его увидеть. Но ей совершенно не нравилась идея отправляться туда тайком, а еще больше – обманывать родителей ради вечеринки.

– Я подумаю.

И она действительно подумала.

В десять вечера Мэгги и Харпер подкатили к дому Майка Флагерти на заднем сиденье «Убера».

– Не думаю, что это хорошая идея, – засомневалась Мэгги, наблюдая, как толпа на крыльце расступилась перед двумя парнями с бочкой пива, которые поднялись по лестнице и вошли в огромную парадную дверь.

Отец Флагерти владел сетью автосалонов и жил в огромном доме, выделявшемся на фоне остальных. Водитель такси просигналил группе подростков, перекрывшим полукруглую подъездную дорожку.

– Расслабься, – успокоила Харпер, – зато повеселимся. А выглядишь ты потрясно.

Мэгги подтянула бретельки позаимствованного у Харпер топика, уж слишком открывавшего ложбинку на груди. Она совершила ошибку, разрешив подружке нанести ей броский макияж. Да еще сменила очки на контактные линзы, из-за чего стоило моргнуть, как тут же возникало ощущение, будто под ресницы насыпали песка.

От увиденного у Мэгги все перевернулось внутри: толпа ребят, скачущих под оглушительные звуки ритмичной танцевальной музыки, запах пива, пота и травы.

– А где его родители? – спросила Мэгги.

Это была ее первая в жизни школьная вечеринка, и она даже не думала, что все будет выглядеть так... типично.

Харпер пожала плечами и повела Мэгги через огромную гостиную, превращенную в танцпол, забитый танцующими старшеклассниками. За пультом дергался какой-то третьесортный диджей.

Девушки протолкались сквозь эту толпу в изумительный обеденный зал правильной формы, украшенный люстрой. За длинным столом проходил традиционный бир-понг. Во главе красовался Майк Флагерти без рубашки, но с неким подобием банданы на голове. Поигрывая мускулами, он стоял на цыпочках и с видом профессионального баскетболиста бросал небольшой белый теннисный шарик, который ударился о краешек красного стаканчика, но отскочил, отчего собравшиеся застонали: «Почти!..»

– Тебе надо расслабиться, пойду принесу нам что-нибудь выпить, – произнесла Харпер, чувствуя, что Мэгги никак не отпускает напряжение, и добавила: – Я скоро.

– Подожди! – крикнула ей вдогонку Мэгги, но подруга уже протискивалась через толпу.

Девушка завела за ухо прядь волос, стараясь не выдавать свою нервозность. Дело было совсем не в том, что она была ханжой или не любила веселиться. К тому же Харпер ошибалась: она уже пробовала спиртное, а после ярмарки школьных проектов целовалась с Ривзом Андерсоном взапас. Но с самого начала старших классов она жила в тени последствий вечеринки, так похожей на эту.

От мысли о том, что ей пришлось солгать отцу, у нее засосало под ложечкой. Хотя на самом деле лжи как таковой и не было, так ведь? Мэгги должна была остаться на ночь с Харпер, что полностью соответствовало действительности. А об их планах он ничего и не спрашивал. К тому же нельзя ведь всю жизнь избегать любых тусовок, правда? Вскоре ей предстояло отправляться в колледж. Мэтт говорил ей, что все время ходил на вечеринки в Нью-Йоркском университете, хотя она представить не могла, чтобы его зажатая подруга пошла бы на подобное сборище.

Когда шарик плюхнулся в стаканчик, толпа опять взревела, и Мэгги подумала о снятом на телефон ролике, присланном ей анонимным источником. Последние часы перед убийством Шарлотты. Шесть секунд того видео полностью передавали дух нынешней тусовки – будто в любой момент ситуация могла выйти из-под контроля, – отчего сегодняшний вечер, с одной стороны, пугал, а с другой – внушал волнение.

Сколько раз по ночам она размышляла о той вечеринке семь лет назад. Что же именно тогда произошло? Неужели Дэнни с Шарлоттой действительно поссорились? Почему они оказались в разных местах, когда нагрянули копы? И по какой причине брат ровным счетом ничего не помнил? Присутствовать на процессе над Дэнни Мэгги не разрешили, так как тогда ей было всего десять. Но впоследствии она прочла протоколы заседаний, все до последнего.

Обвинитель. Вы были на той вечеринке?

Подсудимый. Да.

Обвинитель. Дома у Кайла Брауна?

Подсудимый. Да.

Обвинитель. В котором часу вы оттуда ушли?

Подсудимый. Не помню. Я слишком много выпил и отключился.

Обвинитель. Когда приехала полиция, вы убежали?

Подсудимый. Да не помню я. Наверное.

Обвинитель. На вечеринке вы с Шарлоттой поссорились.

Подсудимый. Нет.

Обвинитель. Она сказала вам, что беременна, и вы затеяли драку.

Подсудимый. Нет!

Обвинитель. А как вы можете это утверждать, если ничего не помните?

Кто-то коснулся ее плеча. Мэгги подумала, что это вернулась Харпер, и обернулась. Но увидела его.

– Привет, – поздоровался Эрик, – значит, все же пришла.

Он явно пробыл на вечеринке уже много времени – у него остекленел взгляд и заплетался язык.

Мэгги улыбнулась, не зная, что ответить.

– Пойдем со мной, – предложил он, схватил ее за руку и потащил за собой.

Вскоре Мэгги обнаружила, что стоит в прачечной и целуется с ним враскоряку. От него несло пивом и травкой. Девушка без конца поглядывала на кучу грязного белья в корзине на сушилке. Мэгги отстранилась, а Эрик невнятно пробормотал:

– В чем дело?

– Ни в чем, просто я так не...

Эрик схватил ее за руки, прижал к стене и просунул ей в рот язык. Одной рукой держа над головой ее запястья, другой он стал лапать за грудь.

– Перестань, – Мэгги рванула назад.

Но он и не думал останавливаться. Все так же держа запястья девушки пальцами своей огромной ладони, Эрик прижал обе ее руки к стене. Ей стало больно, в душе шевельнулся страх. Другая его рука скользнула вниз и принялась расстегивать ее брюки. Мэгги охватила паника.

Она посмотрела ему в глаза, теперь не имевшие ничего общего с теми, из кабинета для внеклассных занятий.

В них плескался мрак.

Таким взглядом смотрят волки.

– Я сказала хватит!

Мэгги накрыла еще одна волна ужаса. Из всех жутких историй, о которых ее предупреждал папа – преувеличенных страхов человека, неспособного пережить еще одну потерю, – она столкнулась именно с этой. Как же она его разочарует. И не только его, но и себя саму.

Но в опасениях отца присутствовала и положительная сторона: он подготовил детей к возможной встрече с чудовищем. Занятия по самообороне, прорабатывание ролей, планирование действий в экстренных ситуациях.

Мэгги собралась с силами.

– Не торопись... – произнесла она, на этот раз уже мягче. – Я не буду сопротивляться... Куда так спешить? Сними футболку.

Эрик отпустил ее руки, отдернул ладонь от ремня брюк, неуклюже стащил с себя футболку и бросил на пол. Потом неожиданно расстегнул свои джинсы, которые тут же сползли на лодыжки.

– Потрогай его, – приказал он, снова обдав ее алкогольным зловонием.

Стараясь сохранять спокойствие, Мэгги положила руки на плечи Эрика и томно посмотрела ему в глаза, стараясь не показывать охватившую ее панику.

– Если ты действительно этого хочешь.

С этими словами Мэгги сделала шаг назад, будто собираясь опуститься на колени, и Эрик задрожал всем телом. Потом она свела плечи, используя их в качестве точки опоры, и со всей силы заехала ему коленом в пах.

Эрик сложился пополам и взвыл. Мэгги яростно его оттолкнула, и он грохнулся на пол прачечной, запутавшись в джинсах.

Парень заорал, увидев, как она, едва переводя дух, распахнула дверь и бросилась прочь.

Всю дорогу, пока машина везла ее домой, из глаз Мэгги лились слезы. После взрыва адреналина она почувствовала что-то вроде эмоционального похмелья. Она злилась на Эрика. И на себя за то, что оказалась такой дурой.

– Давай поговорим, – предложила Харпер, устроившаяся рядом с ней на заднем сиденье.

За рулем сидела какая-то приятельница Харпер, которую та не знала.

Мэгги вытерла глаза. Ее грудь трепетала, и она никак не могла восстановить дыхание.

– Что он с тобой сделал? – спросила Харпер. – Клянусь Богом, что...

– Я не хочу об этом говорить.

– Вот ведь говнюк, а.

– Все нормально. Со мной полный порядок. Я просто хочу домой.

– Ко мне не поедешь?

– Я просто хочу домой.

Харпер сказала девушке за рулем, куда ехать, и они покатали по пригородным дорогам. Мэгги невидящим взглядом смотрела в окно, мысленно отгородившись от гневной тирады подруги в адрес Эрика. Наконец машина остановилась на подъездной дорожке их дома.

– Напиши мне потом, как ты, – попросила Харпер, когда Мэгги отстегнула ремень безопасности.

– По мне видно, что я плакала? – спросила Мэгги, опасаясь, что у отца к ней могут возникнуть вопросы.

Большим пальцем Харпер вытерла ей глаза.

– Прости меня.

– Ты ни в чем не виновата, – Мэгги выскользнула из машины.

А про себя тихонько добавила: «Если мне кого и винить, то только себя».

Отперев входную дверь, она удивилась, что и в коридоре, и в холле, и на кухне все еще горел свет. Время было позднее, и папа, ярый сторонник экономии электричества, в этот час обычно уже спал.

Сначала девушка думала просто отправиться спать, но если он еще не уснул, то наверняка заинтересуется, почему она не осталась у Харпер. Мэгги старательно придала себе невозмутимый вид и пошла внутрь дома.

И тут увидела отца, лежавшего на кухонном полу.

Глава 14

– Папа! О господи! – закричала Мэгги, подбегая к нему.

Он был совсем холодный, рядом с головой на полу расплывалась лужа рвоты.

Она присела рядом и потрясла его за плечи, нащупывая в кармане телефон, чтобы набрать 911.

Вдруг отец дернулся, очнулся и резко сел, пошатываясь и глядя перед собой расширенными зрачками.

– Пап, что случилось? – Мэгги судорожно дышала. – Ты в порядке?

Отец в замешательстве посмотрел по сторонам и вытер рот тыльной стороной ладони. Затем в его голове, похоже, немного прояснилось.

– Все хорошо, солнышко, все хорошо.

Он схватился за кухонную стойку и с усилием встал. Двигался отец медленно и с большим трудом, словно измученный артритом старик.

– Прости, что напугал.

Мэгги смотрела на него во все глаза, пытаясь переварить увиденное.

– Но что произошло? Ты поскользнулся и ударился головой?

В ее детстве мама была одержима сотрясениями мозга – совсем не удивительно, когда в семье был футболист, – и Мэгги помнила, что рвота может стать следствием удара по голове.

– Да нет, думаю, просто чем-то траванулся. Занимался какой-то ерундой и вдруг почувствовал, как к лицу прихлынул жар, и меня вырвало.

Папа подошел к раковине, открыл кран, убрал ее содержимое и навел чистоту.

– Должно быть, я отрубился. Но теперь все в норме, со мной полный порядок.

От чего тебе стало так плохо, что ты даже отключился? Взгляд Мэгги упал на бутылку виски на кухонной стойке. Та была практически пустая, коричневой жидкости осталось на палец. Спиртное папа не жаловал – по крайней мере, до последнего времени. Фрагменты в ее голове стали складываться в единую картинку. Он напился до потери сознания, а теперь стыдился ей в этом признаться.

– Ты вернулась, – сказал он на этот раз чуточку радостнее.

Затем схватил рулон, отмотал несколько бумажных полотенец и вытер грязь на полу, будто это было самое обычное дело.

– Я думал, ты останешься у Харпер.

Мэгги подумала, не рассказать ли ему о вечеринке. О том, что произошло между нею и Эриком. Она еще не оправилась от потрясения и испытывала смущение вперемешку с каким-то странным чувством стыда. Однако больше всего девушка боялась, что у папы сорвет крышу и он позвонит родителям Эрика, а то и сам отправится с ним разбираться.

– Я тоже почувствовала себя нехорошо, – соврала Мэгги, – и решила вернуться домой, чтобы поспать.

– Может, тебе что-нибудь принять? – Отец открыл шкаф, в котором у них хранился ибупрофен и другие лекарства.

– Да нет, со мной все нормально, – возразила Мэгги.

Он ей поверил и даже не обратил внимания, что дочь одета для вечеринки, а не для ночевки. Тем лучше. Лишние волнения ему сейчас ни к чему.

В глазах у отца мелькнул проблеск, будто до него что-то дошло. Мэгги испугалась, что он догадался о ее лжи. Но тот бросился к своему смартфону, лежавшему на кухонной стойке, и махнул ей, предлагая подойти.

– Ты не поверишь! – взволнованно воскликнул он и, глядя перед собой возбужденными глазами маньяка, стал тыкать пальцем в экран. – Мне позвонили по видеосвязи. Перед тем, как я почувствовал недомогание.

Мэгги молча смотрела на него в упор.

– Это была она, Мэгпай.

– Кто «она»?

– Шарлотта, – ответил отец и пристально посмотрел на дочь.

Так, понятно, он, похоже, и правда ударился головой.

– Что ты такое говоришь?

– Она звонила мне. И выглядела напуганной. Я видел ее. Она жива...

– Думаю, тебе просто стало плохо, – сказала она, скосив глаза на бутылку, – и ты подумал, что...

– Да нет же! – возразил отец. – Это была она, только старше, и ошибки здесь быть не может. Я видел сотни ее фотографий. Это была Шарлотта.

– Значит, это проделки каких-нибудь пранкеров, – ответила Мэгги. – Кто-то нашел девушку, похожую на Шарлотту. Или поколдовал над изображением на компьютере. Идиотская шутка.

Жестокие пранкеры потешались над их семьей уже не в первый раз.

– Она звала на помощь.

У отца был такой вид, будто к его глазам вот-вот подступят слезы.

– Пап, Шарлотта мертва. Полиция обнаружила ее тело. Она...

– Да нет же. Ну подумай сама. Голову девушке разmozжили камнем, лицо было полностью обезображено.

– А как же ДНК? Они ведь должны были...

– Не думаю, что в случае с Шарлоттой кто-то делал ДНК-тест. С какой стати? Никто ведь не сомневался, что это она.

– Но, пап... – начала было Мэгги, но так и не договорила.

Таким отца ей доводилось видеть и раньше. Он будто проваливался в другое измерение. Вчера это был ролик с той вечеринки с неустановленным участником. Сегодня дерганный видеозвонок по FaceTime с участием мертвой девушки. По правде говоря, ей это даже нравилось. Когда они сообщали работали над делом, у него блестели глаза от оптимизма и энтузиазма. Интересно, какие психологические проблемы ей сулит то, что их с отцом сблизил сидящий в тюрьме брат и его мертвая девушка.

Мэгги решила подыграть ему, чтобы он немного успокоился. Она попросила у него телефон.

– Говоришь, звонок был по FaceTime?

– Ну да. Я пытался перезвонить, но слышал только гудки, – ответил он, протягивая ей мобильный.

Мэгги взяла его, не сводя с отца внимательного взгляда.

– Звонок поступил из какого-то небольшого городка в Мексике, – он показал ей журнал звонков: абонент вышел на связь из Тулума, местечко под названием «Moloko Bar».

– Есть сервисы, с помощью которых можно легко подделать данные исходящего звонка, – заявила Мэгги. – Это вполне может оказаться фейком.

– А может и не оказаться, – возразил отец.

Девушка вывела на экран туристический сайт. Там сообщалось, что Тулум представляет собой «стильное местечко для отдыха на восточном побережье Мексики с удивительными пляжами, руинами и атмосферой куда умиротвореннее и спокойнее, чем на курортах в Канкуне и Ривьера-Майе».

Отец перегнулся через плечо Мэгги и уставился на фотографию, вывешенную на сайте: прекрасная молодая девушка сидит на качелях из дерева, под ногами у нее песок, соперничающий по белизне с бумагой, а за спиной голубым неоновым отливает океан.

Мэгги загуглила «Mолоко Бар», оказавшийся ночным клубом. На фотографии молодые девушки в блестящих нарядах раздавали шампанское и явно получали от жизни массу удовольствия.

Она посмотрела на отца. Ощущение было такое, будто у него над головой загорелась лампочка.

– На следующей неделе, – произнес он. – Когда наступят весенние каникулы. Как насчет того, чтобы немного попутешествовать?

Мэгги склонила голову набок.

– Куда? Сюда, что ли? – ткнула она пальцем в экран.

Папа медленно кивнул.

– Я думала, в этом году мы не сможем никуда поехать – с деньгами-то у нас не очень.

– Пусть это тебя не заботит.

– Но ведь мама...

– Они возвращаются из Небраски в воскресенье. Мы можем уехать либо в этот же день позже, либо на следующее утро.

– Не думаю, что маме понравится...

– Маму предоставь мне.

Он вел себя импульсивно. Даже нет – как одержимый безумец. Вполне возможно, у него действительно было сотрясение мозга. Однако у Мэгги не хватило духу развеять его иллюзии этим же вечером. Завтра он наверняка передумает.

– Пойдем немного поспим, – произнес отец. – Завтра нужно будет все тщательно спланировать и собрать вещи.

Она хотела рассказать ему, что с ней сегодня случилось. Что она ему солгала и очень об этом сожалеет. Что перепугалась. Что воспользовалась его уроками и таким образом вышла из трудного положения. Но вместо этого лишь поцеловала его в щеку:

– Спокойной ночи, папа.

Мэгги сидела на кровати в ночнушке, обхватив руками колени, и без конца мысленно возвращалась к вечеринке. При взгляде на синяки на запястьях у нее заходило сердце. Какая же она дура. Это ж надо было поверить, что она и правда ему интересна. Поверить, что он, как и ее братья, славный парень. Если бы она хитростью не заставила его ослабить бдительность, он бы... об этом даже думать не хотелось. Желание было только одно – вычеркнуть

этот вечер из памяти. Скорее бы он закончился, этот дебильный год, чтобы она могла уехать в колледж и начать новую жизнь. Там, где ценится ум, а не только внешность или умение хорошо бросать теннисный шарик. Там, где она была бы кем-то бо?льшим, чем просто сестрой Дэнни Пайна.

Мэгги очень хотелось, чтобы сейчас дома была мама. Ей, конечно, можно было позвонить, но она не хотела беспокоить ее в такой поздний час, чтобы лишний раз не волновать. У мамы и без того дел было невпроворот из-за разборок с бабушкой. И все это в городе, где их все ненавидели.

Девушка опять вспомнила об Эрике, о том, как он притворился, что равнодушен к делу Дэнни. Как выказал мнимый интерес к ролику. Мэгги потянулась к ноутбуку, лежавшему в ногах кровати, чтобы посмотреть комментарии к этой записи. Если Пайны и были в чем-то хороши, так это в использовании дела Дэнни, чтобы прятаться от собственных проблем. На странице пестрели десятки новых комментариев, каждый из которых мог потенциально содержать важную информацию. Но потом она их прочла:

Шлюха

Убейся

Лузеров на вечеринку не приглашали

Твой брат убийца, а сама ты потаскуха

Уродина!!!!!!

С губ сорвался вскрик. Наверняка это Эрик или его друзья, иначе и быть не может. А предложение убиться? Только за то, что она его отвергла? Или цель всего этого – удержать ее от того, чтобы рассказать, что в действительности произошло в прачечной? Мэгги захлопнула крышку ноутбука и зажмурила глаза. Она плакала, пока не уснула.

Глава 15

МЭТТ ПАЙН

Сотрудник консульства, которому полагалось встретить Мэтта в аэропорту, так и не приехал. Парень отправил Келлер сообщение и прошел мимо ленты с багажом, облепленной пассажирами, жаждущими получить свои вещи. Подошел к стойке аренды машин, но свободных автомобилей не оказалось. Менеджер сообщил ему, что до Тулума два часа езды, а остановка автобусов и такси располагается у главного входа.

Мэтт обогнул взвинченную толпу и через узкую дверь вышел на улицу. На него тут же обрушился яркий солнечный свет.

К парню подошел мужчина с планшетом для бумаги в руках, до этого крутившийся у микроавтобусов.

– Добро пожаловать в Мексику, – сказал он на английском с акцентом. – Вы бронировали место заранее?

– Нет. Мне надо в Тулум.

– У нас все под завязку, приятель. Что поделать, самый пик сезона.

– Совсем ничего нет? – со вздохом спросил Мэтт. – Мне подойдет что угодно, я не привередливый.

Мужчина умолк, будто о чем-то задумавшись. Потом снял с пояса рацию и произнес в нее что-то на испанском. Ему ответил искаженный голос.

– Особого комфорта не жди, но нам удастся тебя пристроить. Три тысячи песо.

– А доллары возьмете? – Мэтт показал ему двадцатидолларовую банкноту.

– Возьмем, сто шестьдесят долларов.

У Мэтта было с собой наличными пятьсот – максимальный дневной лимит банкомата.

– Годится, – огласился он.

– Автобус «синко»[15 – «Синко» – в переводе с испанского «пять»], – мужчина показывал на ряд микроавтобусов, стандартных мини-вэнов.

На испанском Мэтт не говорил, но понять значение слова «синко» мог без труда. Какой студент колледжа хоть раз не был на вечеринке в честь Синко де Майо?[16 – Синко де Майо – национальный праздник Мексики в честь победы мексиканских войск в битве при Пуэбло 5 мая 1862 г.] Немного поколебавшись, Мэтт протянул мужику двадцать долларов за услуги – купюр помельче у него просто не было, – так что у него осталось достаточно, чтобы возвратиться обратно и пообедать. Потом нашел автобус с нарисованной на нем пятеркой.

Водитель, щеголявший пышными усами, курил, прислонившись к своей колымаге.

– Я так понимаю, у вас есть место до Тулума, – сказал Мэтт и оглянулся на мужчину с планшетом.

Тот бросил окурок на тротуар, раздавил его и, не говоря ни слова, подвел Мэтта к задней части минивэна. Сквозь тонированные окна проглядывали смутные силуэты пассажиров. Судя по всему, в салоне яблоку было негде упасть.

Водитель открыл багажный отсек и показал на сумку Мэтта. Когда парень зашвырнул ее внутрь, мексиканец стал передвигать другие вещи, складирова их с одной стороны.

– Оу, – Мэтт осознал, что тот освобождает место для него.

Затем забрался внутрь и расположился в тесном пространстве в окружении багажа. Могло быть и хуже. Здесь, по крайней мере, можно вытянуть ноги. В любом случае просторнее, чем на борту Spirit Airlines.

– Как вы там? – с приятным южным акцентом спросила женщина из салона.

Мэтт сел, чтобы туда заглянуть, и увидел, что машина набита под завязку.

– Отлично. Спасибо, что согласились взять меня попутчиком.

– Если что-нибудь понадобится, скажи, дорогой, – добавила она голосом, в котором пробивались нотки материнского беспокойства.

Поглядывая в окно, Мэтт два часа трясся в задней части автобуса, с крейсерской скоростью мчавшегося по 307-й автостраде на юг. Ее можно было бы принять за любую другую дорогу в США, если б не ужасающее количество мусора. А может, из-за своего состояния Мэтт фокусировался только на плохом. Обстоятельства для первой поездки в Мексику были не из лучших.

На часах было почти пять. Еще немного, и они будут на месте. У него оставалось время сходить в полицейский участок, подписать бумаги и вернуться в аэропорт Канкуна, чтобы девятичасовым рейсом улететь обратно в Нью-Йорк. Агент Келлер сказала, что при необходимости срок его пребывания продлят, но у него не было ни малейшего желания любоваться пляжами, руинами или другими достопримечательностями. Туда и обратно.

Хотя обзор салона перекрывало заднее сиденье, некоторых сидевших впереди пассажиров можно было увидеть через отражение в окне. Он разглядел трех пацанов, которым не было и десяти, тесно жавшихся к родителям. Даже в отражении было видно, что их мама с папой смертельно устали. Он представил, как точно в таком же микроавтобусе ехали его родные: Томми прижимался лицом к стеклу; папа витал в собственных мыслях, вынашивая какие-нибудь теории в отношении дела Дэнни; Мэгги составляла культурную программу на поездку; мама уткнулась носом в книгу.

Мэтт вывел на экран телефона последнее присланное сестрой сообщение, заинтересовавшее Келлер. Это была фотография их отца. Крупный план на фоне входа в какой-то ночной клуб. Ровным счетом ничего необычного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68390869&lfrom=362673004) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Тулум – город и административный центр одноименного муниципалитета в мексиканском штате Кинтана-Роо на побережье Карибского моря.

2

«Нетфликс» (Netflix) – стриминговый сервис для просмотра фильмов и сериалов. С 7 марта 2022 года приостановил работу на территории России.

3

Трайбека – модный район в Нижнем Манхэттене, в Нью-Йорке. Известен своими историческими зданиями.

4

«Линкин Парк» (Linkin Park) – американская рок-группа, исполнявшая музыку альтернативного рока и металла.

5

Речь идет о Честере Беннингтоне, покончившем жизнь самоубийством 20 июля 2017 года.

6

Речь идет о песне из последнего альбома группы - «One more light».

7

Том Брэди (р. 1977) - игрок в американский футбол, занимающий позицию квотербека, т. е. нападающего.

8

Американская сеть супермаркетов.

9

Американская сеть супермаркетов, специализирующаяся на продаже органических продуктов без искусственных консервантов, красителей, усилителей вкуса, подсластителей и трансжиров.

10

«28 дней спустя» - английский хоррор 2002 года выпуска про эпидемию и зомби.

11

«Фелисити» – американская телевизионная подростковая драма, выходившая на телеэкранах с 1998 по 2002 год.

12

«Майкл Клейтон» – юридический триллер 2007 года с Джорджем Клуни в главной роли.

13

21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

14

Джон Хьюз (1950–2009) – американский кинорежиссер, сценарист и продюсер. Среди его наиболее известных картин «Клуб "Завтрак"», три фильма из серии «Один дома», «101 далматинец» и «Бетховен».

15

«Синко» – в переводе с испанского «пять».

16

Синко де Майо – национальный праздник Мексики в честь победы мексиканских войск в битве при Пуэбло 5 мая 1862 г.